

Голсуорси Джон Дебри

Джон Голсуорси

Дебри

Пьеса в четырех действиях

Перевод Л. В. Хвостенко

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Трегей, военный корреспондент.

Эдриен Бастейпл, финансист.

Фаррел, его доверенный агент.

Чарлз Стэнфорт, редактор либеральной газеты.

Лорд Элдерли, пэр Англии, нон-конформист.

Поул Риверс, чиновник министерства иностранных дел.

Роберт Битон, политический деятель, один из "строителей империи".

Барон Зимбош, бельгиец.

Сэмуэй, охотник на слонов.

Джон Струд, путешественник.

Хэррик, ученый-натуралист.

Капитан Локьер |

Доктор Фрэнкс } участники экспедиции Струда.

Джеймс Колли |

Амина, туземная девушка, по отцу арабка, по матери негритянка.

Самед, ее брат.

Задиг, слуга Струда, бербериец.

Махмуд, сержант суданского корпуса.

Солдаты суданского корпуса, негры-носильщики, туземцы-дикари.

Время действия - конец XIX века.

Действие первое. - Кабинет Бастейпла в лондонском Сити.
Сентябрь 1898 года.

Действие второе.

Картина первая, - Хижина Сэмуэя на берегу озера Альберта.
Октябрь 1898 года.

Картина вторая. Туземная хижина на западном берегу реки Луалабе. Декабрь 1898 года.

Картина третья. Там же. Три днями позже.

Действие третье.

Картина первая. Палатка Локьера в лесу, в четырех переходах от реки Луалабы.

Картина вторая. Прогалина в лесу. На следующий день.

Действие четвертое.

Картина первая. Кабинет Бастейпла. Июнь 1899 года.

Картина вторая. Там же. Четыре дня спустя.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кабинет Эдриена Бастейпла в Сити. Это большая комната, обставленная в стиле девяностых годов. Все здесь солидно, комфортабельно и напоминает скорее гостиную, нежели контору. На небольшом столе в центре сцены-коробка сигар; рядом с ней, как в табачной лавке, горит спиртовой светильничек для прикуривания сигар. Дверь справа ведет в запретный для посторонних личный кабинет Бастейпла. Дверь слева ведет в приемную. Дверь в глубине - в кабинет

Фаррела, доверенного помощника Бастейпла.

В левой части комнаты телефон. Когда поднимается занавес, Фаррел вводит в кабинет Трегея. Фаррелу лет сорок пять. Это человек сравнительно небольшого роста. Манера обращения мягкая, но в ней ощущается некоторая нервность; живые глаза выдают острый ум. В разговоре время от времени быстро вскидывает глаза на собеседника; по губам часто блуждает чуть заметная улыбка. Трегей - рослый, загорелый мужчина лет сорока. У него русая, коротко подстриженная бородка и шелковистые, слегка вьющиеся волосы. Выражение лица одновременно

жизнерадостное и язвительно-насмешливое.

Трегей. Я, кажется, пришел слишком рано, мистер Фаррел? Может быть, вы мне скажете, на кой черт я сюда притащился?

Фаррел. Полагаю, что вам это может оказаться выгодно, мистер Трегей. Садитесь, прошу вас.

Бросается в глаза, что стулья расставлены под углом от глубокого кресла,

рядом с которым помещается столик.

Трегей. Вернее сказать - выгодно вашему шефу, Фаррел. (Переставляет стул и садится на него верхом.) Если, конечно, нравы вашего лондонского Сити не переменялись за то время, пока меня здесь не было.

Фаррел. Нравы Сити? Что вы, сэр! Сити никогда не меняется.

Трегей. Каковы последние сенсации в финансовом мире? Я ведь не видел вас целых три года. С девяносто пятого, кажется? Словом, после этой истории с Матабелелэндом? А как сам Эдриен Бастейпл? Преуспевает, как всегда?

Фаррел (бросив беспокойный взгляд на дверь личного кабинета Бастейпла). О да, сэр, разумеется.

Трегей. Ну-ну! А для чего все-таки заманили меня в львиное логово? М-м?

Фаррел (снова бросает беспокойный взгляд на дверь). Вы долго отсутствовали, мистер Трегей. Где вы были на этот раз? В Китае?

Трегей. И Перу. Самые подходящие места для изучения финансов в действии, пока льется кровь. Советую съездить посмотреть на финансы в цвету - кроваво-красный получается букет.

Фаррел. Вы чересчур суровы к финансистам. Это - неизбежное зло, мистер Трегей, поверьте мне. Вроде... вроде навоза.

Трегей. Неплохо сказано! (Показывая на стулья.) Пока они не собрались, вы, может быть, немного проясните мне всю здешнюю механику, как выражаются янки. Что занесло на эту галеру Чарлза Стэнфорта? Сочетание Эдриена Бастейпла и редактора либеральной газеты - это не из тех браков, которые заключаются на небесах. Потомства у них еще не появилось?

Фаррел. Видите ли... кое-что ожидается - сегодня.

Трегей. Что за миленький ублюдок появится на свет! Кто еще должен присутствовать при этом знаменательном событии?

Фаррел бросает на него быстрый взгляд.

Фаррел. Э-э... Лорд Элдерли.

Трегей. Старик Элдерли из Библейской Лиги? О боги! Кто еще в числе восприемников?

Фаррел. Мистер Роберт Битон.

Трегей (задумавшись). Роберт Битон? Библия и Империя? Что ж, правильно. Еще кто?

Фаррел. Мистер Поул Риверс.

Трегей. Министерство иностранных дел!

Фаррел. Но не официально, сэр! Это секретный визит.

Трегей. Еще бы! Ну что же, эта мешанина грозит изрядным несварением желудка. А я, видимо, должен играть роль питьевой соды?

Фаррел. Разве мистер Стэнфорт вам ничего не говорил?

Трегей (покачав головой). Нет. Я просто получил приглашение прибыть в пять вечера.

Фаррел. Может быть, мне не следовало бы...

Трегей. Выкладывайте, выкладывайте, мистер Фаррел.

Фаррел. Видите ли, сэр, ваше знание Африки и широко известное умение находить выход из самых безнадежных положений...

Трегей. Эдриен Бастейпл и - проигранное дело? Что-то в вашей машине развинтилось!

Фаррел. О нет! Просто мистер Бастейпл всем сердцем желает, чтобы...

Трегей. Ага! Значит, тут пахнет деньгами!

Фаррел. Нет, сэр. Чистейшая благотворительность! (Бросает на него быстрый взгляд.)

Трегей. Теперь я вспоминаю, что его имя попадалось мне в газетах в списках крупных филантропов...

Фаррел. Конечно, сэр. Я сам слежу за этим.

Трегей. А! Чего только вы для него не делаете! Завидное у вас положение, мистер Фаррел. Так кого же он хочет облагодетельствовать на сей раз?

Фаррел. Я уверен, что вам это понравится, сэр. Речь идет о работорговле.

Трегей. Что?! В Британской империи?

Фаррел (улыбнувшись). О нет, сэр, нет!

Трегей. Где же?

Фаррел. В Конго.

Трегей. Но ведь бельгийцы разогнали работорговцев еще года два тому назад.

Фаррел. Видите ли... (Бросает на него быстрый взгляд.) Конечно.

Дверь справа открывается.

Вот мистер Бастейпл. Мистер Трегей уже здесь, сэр.

Трегей встает с оседланного им стула, возвращает его в прежнее положение и слегка кланяется вошедшему. Эдриен Бастейпл - человек с широким, плотным торсом и короткой шеей. Его некогда черные волосы приобрели уже стальной оттенок. Смуглое лицо одутловато. Глаза смотрят властно из-под тяжелых, полуопущенных век. На вид ему лет шестьдесят пять. На нем сюртук, темный галстук заколот жемчужной булавкой - по моде девяностых годов. Говорит

несколько глуховато и скрипуче.

Бастейпл. Рад познакомиться с вами, мистер Трегей. Фаррел, сигары! Вы курите сигары, мистер Трегей? (Берет коробку из рук Фаррела.) Прошу!

Трегей (берет сигару, закуривает). Благодарю. (Читает надпись на ярлыке и бросает насмешливый взгляд на Бастейпла.) А-а! "Дивинос"!

Фаррел, посмотрев сначала на одного, потом на другого, уходит в свой кабинет.

Бастейпл. Когда вы вернулись?

Трегей. Вчера.

Бастейпл. Поездка была занимательной?

Трегей. Весьма.

Бастейпл. Интересная жизнь у вас, военных корреспондентов.

Трегей. Если смотреть на нее со стороны, мистер Бастейпл.

Бастейпл (пристально поглядев на Трегея). Я читал ваши корреспонденции с большим удовольствием. Особенно о том, как перебили этих... боксеров на реке... Как она называется? Написано с большой силой. Ну, что там в Китае? Пока никакого просвета?

Трегей. Мне кажется, что пока нигде нет "просвета".

Бастейпл. Чем же вы собираетесь теперь заняться?

Трегей. Думаю пошататься немного по Пиккадилли да вернуться в распоряжение наших... архангелов света.

Входит Фаррел.

Фаррел. Лорд Элдерли и мистер Стэнфорт, сэр.

Трегей. Легки на помине!

Лорд Элдерли - маленький, румяный старичок с седой бородкой и птичьими движениями. Быстро семенит, суетливо вертит головой. Чарлзу Стэнфорту лет

сорок - сорок пять. Он воплощение элегантности и хороших манер.

Элдерли. Мистер Бастейпл? (Протягивает руку.)

Стэнфорд. А, Трегей! Значит, вы получили мое письмо? (Пожимает ему руку.) Рад, что вы добрались до дому целым и невредимым.

Бастейпл. Господа, прошу садиться. Сигары, Фаррел.

Сам он усаживается в кресло у столика. Остальные тоже садятся.
Лорд Элдерли

отказывается от сигары, а Стэнфорд закуривает собственную сигарету.

Элдерли. Я надеюсь, Стэнфорд, что сегодня мы окончательно уладим вопрос. Время летит.

Фаррел (из дверей). Мистер Поул Риверс.

Поул Риверс - высокий подвижный брюнет; в нем есть что-то от денди. Он кланяется Бастейплу, кивает Стэнфорту и лорду Элдерли, с недоумением

разглядывает Трегея и, наконец, садится.

(Из дверей.) Мистер Роберт Битон!

На секунду Фаррел задерживается в дверях, внимательно разглядывая собравшееся общество. Затем отступает, пропуская Битона, человека с огромной головой, посаженной на короткое туловище, и широким, массивным лбом. У него тоже властный взгляд, но это взгляд эпилептика, человека, одержимого

видениями. Он занимает место справа от Бастейпла.

Битон. Здравствуйте, милорд. Здравствуйте, Стэнфорд! А, Риверс! Фаррел удаляется.

Бастейпл (представляя). Мистер Трегей.

Битон наклоняется вперед, устремив на Трегея пристальный взгляд, затем

делает любезный жест.

Битон. А! Рад с вами познакомиться, мистер Трегей. Это я подсказал ваше имя мистеру Стэнфорту. Вы ведь знакомы с доктором Фрэнксом?

Трегей. Фрэнксом? Клементом Фрэнксом? Это мой двоюродный брат. Сейчас он в Момбасе.

Битон. Вот именно. Вы знаете, зачем мы здесь собрались?

Трегей. Чтобы осветить положение с работоторговлей?

Битон. Именно. Ваш кузен считает, что вы сумеете это сделать.

Стэнфорт. Вопрос касается территорий к востоку от реки Конго, Трегей. Вы там побывали в девяносто четвертом году, если не ошибаюсь?

Трегей кивает.

С тех пор бельгийцы провели две кампании, но мы твердо убеждены, что дело сделано только наполовину.

Элдерли. Что это за места, мистер Трегей?

Трегей. Экваториальные леса, милорд, такие же непроходимые дебри, как лондонское Сити. Лихорадка, людоеды - одним словом, все прелести.

Стэнфорт. Все это верно. Но мы, либералы, чувствуем...

Трегей. ... что пора бросить военный клич?

Стэнфорт кидает на него холодный взгляд.

Элдерли. Мистер Битон, вы упоминали, что у вас есть нужный нам человек. Он готов действовать?

Битон. Он ждет в Момбасе нашего сигнала. Его зовут Джон Струд.

Риверс. Струд. Гм!

Стэнфорт. Не тот ли это Струд, который открыл...

Риверс. Это не слишком благоуханная история, Битон.

Битон. Зато он самый подходящий человек для нашего дела. Мы собрались не в бирюльки играть. Сейчас нам гораздо важнее знать, разрешит ли ему министерство иностранных дел пересечь Уганду. Вот чего мы ждем от вас, Риверс.

Риверс (Трегею). Откуда ему легче всего добраться до района действия работорговцев?

Трегей. С южной стороны озера Альберта,

Битон. То же писал мне и сам Струд.

Риверс. Надеюсь, это останется между нами? (Оглядывается собравшихся.)

Все кивают.

Положение в Уганде все еще очень тревожно, но я не думаю, чтобы наши власти стали препятствовать разведывательной экспедиции, снаряжаемой со столь благородной целью. Однако необходимо соблюдать предосторожности. Не то хлопот не оберешься.

Элдерли. Битон, вы сумеете... Ну, как это теперь говорят... вправить ему мозги?

Битон кивает.

Прекрасно! Далее. О необходимых средствах. Наша Лига внесет тысячу фунтов стерлингов. Сколько даст ваша газета, Стэнфорт?

Стэнфорт. Две тысячи.

Элдерли. Боюсь, что трех тысяч будет мало.

Битон. Спросим мистера Трегея. Во сколько может обойтись экспедиция, отправляющаяся от озера Альберта, цель которой - обследовать всю территорию между озерами и Верхним Конго, иначе, рекой Луалабой? Так ведь, кажется?

Трегей (кивает). Территорию, равную по размерам всей Испании.

Битон. Так что же вы скажете?

Трегей. Меньше, чем десятью тысячами, не обойтись.

Элдерли. Бог ты мой! Десять тысяч! Впрочем, для такого благородного дела... (Смотрит на Битона.)

Битон. Защитники идеалов империи внесут три тысячи. Что скажут наши финансисты? (Поворачивается к Бастейплу.)

Бастейпл (вынимая сигару изо рта). Господа, я пригласил вас сюда по предложению мистера Битона. Заранее прошу простить меня за откровенность. (Продолжая говорить, смотрит главным образом на Трегея.) Считается, что финансисты никогда ничего не делают без выгоды для себя. Согласимся, что это так. Все мы хотим чего-нибудь добиться или кого-нибудь добить. Лорд Элдерли старается добить дьявола. Мистер Стэнфорт - консерваторов.

Стэнфорт. И разницы тут нет никакой!

Бастейпл. Мистер Риверс добивается преимущества перед соседними с нами государствами. А мистер Битон - осуществления своей мечты. Остается сказать о себе. Что ж, господа, мне хотелось бы добиться славы. И ради этого я вношу... десять тысяч фунтов. На мгновение воцаряется тишина.

Трегей (вынимая сигару изо рта). Бра-во!

Элдерли. Вы очень щедры, сэр. Необычайно щедры. Может быть, вы все-таки оформите это письменно?

Бастейпл. Рад видеть, что и религии не чужд деловой подход к вещам, милорд.

Элдерли. Чему не научит горький опыт, мистер Бастейпл. Ну, как говорится, гора с плеч. Теперь можно действовать.

Стэнфорт. Как насчет кандидатуры Струда? Принимаем?

Риверс. Сделав ему соответствующее внушение.

Битон. Непременно.

Риверс. Следовательно, вы хотите, чтобы мы телеграфировали в Момбасу и разрешили выдать Струду пропуск на переход через Уганду к озеру Альберта?

Битон. Именно.

Элдерли. Не согласится ли мистер Трегей присоединиться к экспедиции? Никакое другое перо не сумеет лучше донести до сознания английских читателей то, что требуется.

Трегей. Что же, по-вашему, требуется донести до их сознания, милорд?

Элдерли. Только правду, дражайший мистер Трегей.

Трегей. Скажите, Стэнфорт, захочет ли ваша газета платить две тысячи фунтов за то, чтобы я писал "только правду"?

Стэнфорт. Я вас не понимаю.

Трегей. Ну, предположим, что бельгийцы по-настоящему борются с работорговлей...

Стэнфорт. Конечно, мы не должны допускать несправедливых выпадов по отношению к бельгийцам, но то, что они упорно не хотят замечать работорговлю...

Трегей. С одной стороны, конечно, но с другой стороны, тем не менее... Понятно. Подлинный либерализм!

Стэнфорт снова обращает на Трегея ледяной взгляд.

Битон (Трегею). Вы знакомы со Струдом?

Трегей кивает.

Что вы скажете о нем?

Трегей. Хватка у него железная. Но в отличие от Стэнли он не умеет обращаться с туземцами.

Битон. Ну, Стэнли - это... Стэнли! Так что же? Можно дать Струду сигнал? (Встает.)

Остальные следуют его примеру.

Я протелеграфирую ему подробные инструкции. Значит, счета по экспедиции можно отсылать в ваш банк, мистер Бастейпл?

Бастейпл кивает. Собравшиеся прощаются с Бастейплом и постепенно расходятся.

Мистер Трегей, не оставите ли вы мне свой адрес?

Трегей (вручает ему визитную карточку, затем подходит к Бастейплу и говорит вполголоса). До свидания, мистер Бастейпл! Вы сегодня сделали прекрасное капиталовложение!

Бастейпл пытливо смотрит на него. Трегей выходит вслед за остальными.

Битон (возвращается от двери). Вот и все, Бастейпл!

Бастейпл снова усаживается у столика.

Мы хорошо обошли их по кривой.

Бастейпл. Это длинный и дорогостоящий путь, мистер Битон.

Битон. Ничего не поделаешь. Наш план использования труда китайских кули - единственный способ быстро поднять экономику Южной Африки. А эти моралисты обязательно набросятся на нас, если не сунуть им в зубы возможность заняться грехами соседей. И слава богу, что они сами подняли шум из-за работорговли! Старик Элдерли со своей душеспасительной ерундой, а вслед за ним и Стэнфорт со своими безукоризненными принципами! Да, Бастейпл, у меня есть своя мечта. Помните Стэнли - он писал, что экваториальный лес напоминает ему Лондон. Все кишит, все рвется вперед, выше! И это просто-напросто борьба за существование, это буйство жизни, не имеющей иной цели и смысла, кроме борьбы за пищу, свет и воздух. (Расхаживает по комнате.) Когда-то я, как и Стэнли, в утренние часы наблюдал за человеческим муравейником и видел двуногих муравьев, расползающихся через мосты по окончании работы - бледных, изможденных, сутулых карликов. Жуткая, отвратительная картина! (Останавливается.) Черт возьми, Бастейпл, увидав такой кошмар наяву, поневоле будешь искать спасения в мечте. А тут - огромные пространства Южной Африки, Канады, Австралии, которые ждут населения - белого населения! И люди там смогут жить по-человечески, а не по-скотски. А вы представляете себе, какой вой подняли бы все эти Стэнфорты и Элдерли и им подобные, узнай они мой план использовать труд кули? Нет, хорошо, что мы сбили их со следа и натравили на работорговцев.

Бастейпл. Когда у вас назначено общее собрание акционеров южноафриканских концессий?

Битон. В июле будущего года. У нас в запасе еще десять месяцев. Струд успеет, если его поторопить. Эта кампания по разоблачению работорговцев будет как раз в полном разгаре.

Бастейпл. Придержите отчет Струда о работоторговле, а накануне собрания перешлите его во все редакции, чтобы утром он появился в газетах. Если он окажется достаточно сенсационен, план использования кули будет принят и никто ничего не твякнет против.

Битон. Совершенно верно, Бастейпл, совершенно верно. (Снова погружаясь в мечты.) Там эти сотни тысяч жалких горемык обретут настоящую жизнь.

Бастейпл (внимательно разглядывая его). Вы умрете великим человеком, мистер Битон.

Битой. Взгляните на Англию, Бастейпл, и сравните: "Самое уродливое в природе тропического леса - это наблюдаемый на любой открытой поляне жадный порыв к небу... грохот этого порыва, его ожесточенный, беспощадный лязг и топот". То, что писал Стэнли об экваториальных лесах, полностью применимо к дебрям наших больших городов. (Замечает появившуюся на лице Бастейпла усмешку.) Э! Для вас это пустой звук, так ведь? Я же знаю! И ваши собственные разговоры о славе тоже, не правда ли? Важно заполучить китайских кули и акции всех наших компаний сразу взлетят, сэр. И ух как высоко!

Бастейпл. Наш приятель Трегей...

Битон. Да?

Бастейпл (покачивая головой). ...должен остаться здесь. У него слишком длинный нос.

Битон. Гм! Но остальным, по-видимому, очень хочется, чтобы он участвовал в экспедиции.

Бастейпл. Предоставьте это мне. В переписке со Струдом вы пользуетесь шифром?

Битон кивает.

И вы вполне доверяете Струду?

Битон. Конечно.

Бастейпл. Он тоже сторонник... э... имперских идеалов?

Битон. О да!

Бастейпл. В таком случае телеграфируйте ему, чтобы он не стеснялся с бельгийцами. Пусть наступают им на любые мозоли. Чем больше шума, тем лучше. Если нужно отвлечь внимание от собственных грехов, самое лучшее - это вопить на каждом углу о грехах своих ближних.

Битон (рассмеявшись). Для меня понятие греха не существует.

Бастейпл. А для кого оно существует? Я сам протелеграфирую в банк Момбасы, чтобы они открыли кредит Струду. Если мы хотим быстрых действий, то денег жалеть не приходится. (Пишет, затем переводит взгляд на Битона.) Мистер Битон, меня очень заинтересовали ваши взгляды. Борьба за существование! Значит, вы считаете, что мы можем внести исправления в законы природы?

Битон. Я хорошо помню свое детство в Глазго, Бастейпл. Нас у родителей было шестеро ребят. Отец умер, оставив нас без гроша, а городские дебри там не менее страшны, чем здесь, в Лондоне. Пришлось и мне вооружиться маленьким топориком и прорубать себе тропинку в чаще, - всем нам пришлось. Но сколько страданий мы перенесли! Почти до сорока лет я только и делал, что выполнял чужие указания. А это меня совсем не устраивало. Пищи мне хватало, но света и воздуха - нет. Теперь-то я уже пробился на самый верх, на солнышко. Но я ничего не забыл. И я хочу спасти тысячи мальчишек, таких, каким был сам, хочу, чтобы они узнали, что такое настоящая жизнь. А у вас какое было детство?

Бастейпл. У меня его не было. (Медленно выпускает изо рта кольца дыма.)

Битон. А! Чувствуется, что у вас интересное прошлое. Вы человек, окруженный тайной. Ну что ж, надо идти зашифровать телеграмму Струду. Вот адрес Трегея. (Передает Бастейплу визитную карточку.) Я вас не благодарю. Это в такой же степени в ваших интересах, как и в моих. Без ввоза кули акции не подымутся. Спокойной ночи!

Бастейпл (протягивает ему руку). Не хотите ли сигару?

Битон. Нет, благодарю. (Пожимает протянутую руку и выходит.)

Бастейпл глубже погружается в кресло и задумывается. В глазах и на губах легкая улыбка. Звонит в колокольчик, стоящий на круглом столике. Входит

Фаррел.

Бастейпл. Сколько у меня акций во всех южноафриканских концессиях, вместе взятых?

Фаррел. Триста пятьдесят семь тысяч, сэр.

Бастейпл. А в переводе на деньги?..

Фаррел. На сумму в триста двенадцать тысяч фунтов.

Бастейпл. Сколько из этих акций записано непосредственно на мое имя?

Фаррел. Около ста тысяч, сэр. Остальные на подставных лиц.

Бастейпл. Нужно все перевести на подставных, Фаррел, за исключением двадцати тысяч. Проведите эту операцию незаметно и до рождества.

Фаррел. Слушаюсь, сэр.

Бастейпл. Барон Зимбош еще здесь?

Фаррел. Ждет в приемной, сэр.

Бастейпл (кивнув). Пригласите его.

Фаррел (идет к двери слева и, отворив ее, говорит). Будьте добры, барон, попрошу вас пройти сюда.

Входит барон Зимбош. Это представительный мужчина с раздвоенной каштановой бородой и жесткими волосами. Он в сюртуке, в руке цилиндр. Фаррел закрывает дверь и удаляется в свой кабинет.

Бастейпл. Добрый вечер, барон.

Зимбош (говорит с легким иностранным акцентом). Добрый вечер, мистер Бастейпл.

Бастейпл. Какие у вас для меня новости?

Зимбош (пожав плечами). Еще слишком рано, чтобы сказать что-нибудь определенное. Но доктор Лейдс не сидит без дела, можете быть уверены. Нет, он не сидит без дела.

Бастейпл. Ну, и что же отсюда следует?

Зимбош (понижив голос). Война, мистер Бастейпл, война!

Бастейпл. Фью! Далековато хватило!

Зимбош. Вы полагаете? Доктор Лейдс поддерживает в Крюгере убеждение, что Европа сочувствует бурам. Эти голландцы обведут его вокруг пальца. Дядюшка Пауль Крюгер... они вертят, как хотят, этим упрямым стариком. И они, голландцы, хотят войны. А Маюба, мистер Бастейпл? Англичане не забыли этого своего поражения и не забудут, пока не возьмут реванша. А английские поселенцы в бурских республиках? Разве они смогут добиться чего-либо от Пауля Крюгера? Навряд ли. Примерно через год ждите войны, мистер Бастейпл, ручаюсь головой.

Бастейпл. Старик Крюгер для этого слишком хитер. Как, по-вашему, барон, могут буры выиграть такую войну?

Зимбош. Мистер Бастейпл, англичанин поглощает слишком много тумана и жирного йоркширского пудинга, - это мешает ему сразу разглядеть врага. Ему нужно время, чтобы раскачаться. Какой англичанин поверит, что он уже воюет, пока его не стукнут три-четыре раза? Вот тогда он начинает чесать у себя в затылке и говорить: "Помилуй бог, да никак мы воюем?"

Бастейпл. А как вы в вашем Конго смотрите на все это?

Зимбош (снова выразительно пожав плечами). Если вы теряете Южную Африку, мы получаем от буров все, что нам угодно; у них у самих будет более чем достаточно. Если ж нет, все равно ваши руки будут связаны на долгое время. В обоих случаях мы не останемся в накладе.

Бастейпл. Мне кажется, барон, вы немного опережаете события. Но все же я весьма вам обязан. Сообщайте мне все, что узнаете о деятельности доктора

Лейдса.

Зимбош (кланяясь). Ну, а наши пароходы, мистер Бастейпл? Вы окажете нам содействие?

Бастейпл. Пока не вижу к этому никаких препятствий. Скорее наоборот.

Зимбош. Bien! {Хорошо! (франц.)} Значит, мы передадим вам все расчеты.

Бастейпл. Сигару? (Нажимает звонок.)

Зимбош. "Дивинос"? О, превосходно! (Берет сигару и закуривает.) До свидания, мистер Бастейпл, до свидания.

Фаррел провожает Зимбоша в приемную.

Бастейпл (размышляя вслух). А он прав. (Снова нажимает звонок.)

Входит Фаррел.

Фаррел, я продиктую вам письмо мистеру Битону. (Диктует.) "Дорогой мистер Битон, обдумав еще раз все обстоятельства, я пришел к заключению, что нам необходимо поторопиться. Чем быстрее мы будем действовать, тем меньше риск. Прошу перенести общее собрание акционеров южноафриканских концессий на первые числа июня, никак не позднее. Внушите Струду, что необходимые сведения мы должны иметь к концу мая. Надеюсь, он умеет читать

между строк. Нужно что-нибудь подходящее, а если это кого-нибудь заденет - неважно. Остаюсь искренне ваш".

Фаррел стенографирует.

Если будет необходимо, Фаррел, покупайте акции всех южноафриканских концессий, чтобы поддерживать на бирже устойчивые цены до июньского общего собрания.

Фаррел. В каких пределах, сэр?

Бастейпл. Можете довести мою долю до полумиллиона акций, конечно, не на мое имя.

Фаррел. Понимаю, сэр. Что отвечать репортерам?

Бастейпл. Рассеивайте пессимистические настроения и всякие слухи о возможности серьезных осложнений с бурами.

Фаррел (быстро вскинув глаза). Хорошо, сэр.

Он уже повернулся, чтобы уходить, когда Бастейпл вдруг поворачивает кресло и окликает его.

Бастейпл. Фаррел!

Фаррел. Да, сэр!

Бастейпл. Что говорят обо мне в Сити? Каково общее мнение? За двадцать пять лет вы должны были это узнать.

Фаррел (неодобрительно). Видите ли, сэр... (Он то поднимает, то опускает глаза.)

Бастейпл. Верно ли, что я человек, окруженный тайной?

Фаррел (с облегчением). О да, сэр, и даже очень.

Бастейпл. В каком смысле?

Фаррел (неодобрительно). Ходят всякие слухи о том, как и с чего вы начали, сэр. Строят догадки о... э... ваших целях. Некоторые думают...

Бастейпл. Что именно, Фаррел?

Фаррел. Думают, что вы стремитесь к политической власти. Другие полагают, что вы добиваетесь титула. Приходилось мне также слышать, сэр, что вы... э... еврей и намерены купить всю Палестину. Но, с другой стороны, я слышал, что вы, как истый христианин, ненавидите Ротшильдов и что цель вашей жизни - это хорошенько стукнуть их по затылку.

Бастейпл слушает улыбаясь. Видя его улыбку, Фаррел начинает испытывать

удовольствие от затейного Бастейплом разговора.

Наш Сити, сэр, гудит от слухов, как настоящий улей.

Бастейпл. Что еще говорят?

Фаррел. Слышал я, как вас называли великим человеком, но я слышал и как вас называли... Э...

Бастейпл. Ну?

Фаррел. Величайшим пройдохой, с вашего позволения, сэр. Мистер Трегей, например, назвал ваш кабинет логовом льва. (Бесстрастно.) Он "не назвал меня шакалом, но, видимо, подразумевал это.

Бастейпл. Кстати, о Трегее. Он не должен попасть в Африку.

Фаррел. Да, сэр? Прикажете остановить его при помощи...

Бастейпл. ...дубинки, если не придумаете чего-нибудь поделикатнее.

Фаррел (одобрительно хмыкнув). Достаточно ли будет телеграммы из Момбасы с сообщением, что он опоздал?

Бастейпл. Если вы сумеете это устроить.

Фаррел. Без всякого труда, сэр.

Бастейпл. Прекрасно! Ну, что еще там говорят обо мне?

Фаррел. Многие говорят, сэр, что вы просто азартный игрок, ведущий крупную игру. А один чудак вбил себе в голову, что вы страстный филантроп. В лондонском Сити охотно подхватывают все, что так или иначе припахивает романтикой.

Бастейпл. Ну, а что вы сами думаете, Фаррел?

Фаррел (бросает на него быстрый взгляд). Видите ли, сэр... Я никогда не ломаю голову над... происхождением видов.

Бастейпл. Ну, как бы не так. Выкладывайте.

Фаррел (призвав на помощь все свое самообладание.). Может быть, вам не понравится, сэр Бастейпл. А вы все же рискните.

Фаррел. Романтическая точка зрения мне чужда. Тут другое, сэр. Огромные способности, огромная энергия и жизненная закалка, где бы и как бы она ни была приобретена. (Умолкает и бросает на Бастейпла быстрый взгляд.)

Бастейпл. Продолжайте, Фаррел.

Фаррел. Я не верю, чтобы у вас была какая-нибудь особая цель или особая страсть. Дело в том, что вы... вы попросту не можете

остановиться. Прошу прощения, сэр, это моя личная точка зрения. Я никому ее не высказывал.

Бастейпл. А все же и романтика не бесполезна, а?

Фаррел. Ну, конечно, я всегда восхищался вашей выдержкой и находчивостью, вашей способностью не останавливаться перед всякими ничтожными... Э...

Бастейпл. Перед чем именно, Фаррел?

Фаррел (осекшись). Я вовсе не собирался высказывать свое мнение, сэр. (Бочком подвигается к двери.)

Бастейпл. Подойдите сюда!

Фаррел подходит к столу, и Бастейпл, сидя, внимательно изучает его лицо.

На протяжении четверти века вы пользовались моим доверием, и, насколько мне известно, вполне заслуженно. Надеюсь, вы не утратите его и впредь.

Фаррел. Вы очень добры, сэр. Я, несомненно, хотел бы... я чувствую...

Бастейпл (пытливо посмотрев на него). Благодарю вас, Фаррел. отошлите эту телеграмму в Момбасу. (Передает Фаррелу телеграмму.) И дайте мне карту Африки.

Фаррел достает из шкафа атлас.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Хижина Сэмуэя, охотника на слонов, на южном берегу озера Альберта. Комната отделена от низкой, открытой веранды, виднеющейся в глубине, только невысокой перегородкой. Струд и Сэмуэй расположились в шезлонгах; возле них бутылки, стаканы, трубки. У Струда на коленях развернута карта; левая нога

Сэмуэя забинтована.

Сэмуэй (сухопарый загорелый бородач). Ну, мистер Струд, вы времени зря не теряете. Вряд ли кто сумел бы быстрее вас добраться сюда с побережья.

Струд. Судя по телеграммам Битона, Сэмуэй, им там нужен конфликт с бельгийцами. (Тычет пальцем в карту.) Они хотят, чтобы над областью Катанга взвился британский флаг. И я хочу того же.

Сэмуэй. Мне лично плевать, какой там будет флаг.

Струд. А работорговля как предлог - прием старый-престарый.

Сэмуэй (испытующе посмотрев на Струда, вынимает из кармана кожаный мешочек). Если вам нужно поднять бучу, взгляните-ка сюда!

Струд вопросительно смотрит на Сэмуэя. Тот бросает ему мешочек, и Струд,

развязав его, разглядывает содержимое.

Да, да, сэр! Настоящие алмазы. Не очень крупные, но зато там, где они найдены, можно найти еще уйму. Ну-ка, передайте мне карту.

Струд поднимается, раскладывает карту на коленях Сэмуэя и, став позади него,

следит за движением его пальца.

Вот смотрите: между реками Касаи и Луэмбе - сплошное алмазное поле. И никто об этом не знает, кроме меня да еще одного бельгийца. А он, как я слышал, сейчас в Басоко - снаряжает экспедицию, чтобы отправить ее на юг. Ясно, что он нацелился на эти алмазы. Так вот, доберитесь туда раньше него, сделайте заявку первооткрывателя, а когда будет основана компания, приберегите для меня некоторое количество акций, полагающихся пайщику-учредителю. Ну, что скажете? Достаточно этого, чтобы заварить кашу?

Он с усмешкой смотрит на Струда, который выпрямился и стоит, глядя прямо перед собой. Бросается в глаза его загорелое сангвинического склада лицо и

массивный подбородок.

Струд (качая головой). Это противоречит полученным мною инструкциям, Сэмуэй.

Сэмуэй. Бросьте! Ничто не порождает такой пылкой братской любви к ближнему своему, как алмазы. С их помощью ваши лондонские друзья получат столько конфликтов, сколько им будет нужно.

Струд. Гм! (Смотрит на забинтованную ногу Сэмуэя.) И дернуло же вас покалечить ногу!

Сэмуэй (указывая на львиную шкуру). А это уж вон с него спрашивайте.

Струд. Кто-нибудь еще, кроме вас, знает эту местность?

Сэмуэй. Ни один сукин сын.

Струд. Дальше Ниангве на Луалабе я не бывал. А оттуда сколько еще недель пути?

Сэмуэй (проводя пальцем по карте). Если по прямой, как птицы летают, а мне кажется, эти твари нигде не летают так прямо, как в Африке, - миль триста пятьдесят будет. В общем, шестьсот - семьсот миль отмахать придется, не меньше. Притом через земли племен батетела.

Струд. Моя экспедиция слишком малочисленна.

Сэмуэй. Да эти батетела куда хуже даже маньемов. И большие мастаки насчет ядов. Если их стрела царапнет вас, сдохнете наверняка. А потом они вас съедят.

Струд. Ну, а вам как же удалось уцелеть?

Сэмуэй. Тут дело особое... У меня есть один дружок, у которого большая власть в тех краях. Сын одного занзибарского араба-работоторговца из тех, кого бельгийцы поприжали в девяносто втором году. Сам он продолжает понемногу торговать.

Струд. Он вам чем-нибудь обязан?

Сэмуэй. Пожалуй. Когда мы охотились в тех краях, этот самый Самед попал в лапы льву. Ну, разговор со львом я взял на себя, а с Самедом мы с тех пор стали вроде бы кровными братьями. Когда я возвратился сюда, он тоже потянулся за мной да еще прихватил с собой сестру: у нее что-то творилось с глазами, и нужно было полечить ее. Она уже начинала слепнуть. Местная красавица, можно сказать. Сейчас она живет у Хэррика.

Струд. Что? У этого натуралиста?

Сэмуэй. Ну да. Предана ему, как собачонка: так и вертится вокруг него целый день. Интересная личность этот Хэррик.

Струд. Какой-то нелюдимый сыч.

Сэмуэй. Что верно, то верно. Дайте ему возможность изучать обезьян, и ему плевать на все и на всех. (Внезапно что-то сообразив.) Послушайте-ка, мистер Струд!

Струд. Ну?

Сэмуэй. Между Луалабой и озером Танганьика водится шимпанзе какой-то особой породы. Хэррик жаждет завести с ним близкое знакомство - иначе он не может закончить свою книгу об обезьянах Центральной Африки. Заберите с собой Хэррика вместе с его девицей, и она поможет вам поладить с ее братцем.

Струд. Взять ее с собой в такой поход?

Сэмуэй. Она видала виды и похуже. Может шагать день и ночь без отдыха.

Струд (качая головой). Брать женщину в экспедицию...

Сэмуэй. Без нее вам не поладить с Самедом. А эта полоса между Луалабой и Ломами - это же самое что ни на есть проклятое богом место: дебри, болота и весьма свирепые людоеды-батетела.

Струд (поразмыслив). Время, Сэмуэй, где взять на это время? К концу мая я уже должен отправить в Лондон свой отчет.

Сэмуэй. Доберитесь до Самеда, и вам будет что сообщить о работорговцах. Одним выстрелом двух зайцев убьете.

Струд. А Хэррик согласится?

Сэмуэй. Он спит и видит, как будет беседовать с этим шимпанзе.

Струд (решительно). Вам нетрудно пригласить его зайти сюда?

Сэмуэй. Конечно, нет.

Струд хлопает в ладоши, и со стороны веранды появляется его слуга бербериец

Задиг.

Сходи к мистеру Хэррику. Скажи: Сэмуэй хочет поговорить.

Задиг уходит.

Имейте в виду, если вы проболтаетесь о своем маршруте, ваши носильщики сбегут. Они до смерти боятся батетела.

Струд (кивнув). Сколько у меня времени в запасе до того, как ваш бельгиец сможет туда добраться?

Сэмуэй. Ну, ему понадобится не меньше пяти месяцев.

Струд. Черт побери, Сэмуэй, я рискну!

Сэмуэй. Превосходно! Но святость свою спрячьте на самое дно чемодана. Своих людей вам придется гнать вперед силой.

Струд. Может быть, надо предупредить моих белых спутников?

Сэмуэй. Не стоит. Пусть они думают, что вы строго придерживаетесь первоначального плана: поиски следов работорговли, и больше ничего. Когда вы намерены выступить?

Струд. Послезавтра.

Сэмуэй. Ну-ну! Форсированные переходы - опасная штука. Я вообще не сторонник того, чтобы бить черномазых, но хлыст все-таки возьмите, без него вам не обойтись.

Струд (улыбаясь). В делях Африки слабонервным не место, Сэмуэй.

Сэмуэй. Бывали, разумеется, и такие путешественники, которые ни разу не подняли руки на негра, но, насколько я могу судить, жизнь их обрывалась довольно быстро.

Струд. Откуда родом этот Хэррик?

Сэмуэй. Из Новой Зеландии. Весьма независимая личность.

Струд. Это будет неприятный спутник, Сэмуэй. В такой экспедиции, как наша, вся власть должна быть зажата в одном кулаке.

Сэмуэй. Ничего не поделаешь. Без его девчонки нам не обойтись, а она без него не пойдет.

На веранде появляется высокий, худошавый мужчина с густыми, зачесанными назад темными волосами и острой бородкой. Его глаза кажутся необычайно

глубокими.

Добрый вечер, мистер Хэррик.

Хэррик (входя в комнату). Добрый вечер. Как ваша нога?

Сэмуэй. Она чувствует себя очень польщенной, что вы все еще именуете ее ногой. Вы знакомы с мистером Струдом?

Хэррик (с легким поклоном). Да.

Струд. Добрый вечер.

Сэмуэй. Мы с вами, мистер Хэррик, помнится, толковали на днях об одном шимпанзе?

Хэррик. Шимпанзе Марунгензис. И что же?

Сэмуэй. Мистер Струд собирается навестить этого джентльмена у него дома. Я думаю, он согласится привезти вам шкуру этой твари. Ваша служанка из тех же мест. Наверное, вы с ней о своих обезьянах не говорите, иначе вы знали бы это.

Хэррик. Мне нужно увидеть шимпанзе живым, Сэмуэй.

Струд. Может быть, хотите отправиться с нами, мистер Хэррик?

Хэррик (удивленно). Что, что? А когда вы собираетесь вернуться?

Струд. Если повезет, то месяцев через семь.

Сэмуэй. Возьмите с собой вашу девчонку. Она будет вам очень полезна, поверьте мне.

Хэррик. Амину? Ни в коем случае.

Сэмуэй (с легкой усмешкой). Через два дня она все равно догонит вас. Вот чем опасны эти арабки-полукровка. Стоит им привязаться к

человеку, и они так и будут ходить за ним по пятам, как собачонки.

Хэррик. А что, если мне оставить ее у вас, Сэмуэй?

Сэмуэй (бросив украдкой взгляд на Струда). Надо бы узнать и ее мнение. Позовите-ка ее, она, наверное, где-нибудь поблизости.

Хэррик. Амина!

В то же мгновение с веранды в комнату входит стройная, закутанная в плавок девушка. У нее сравнительно светлая кожа и большие черные глаза, которые она не сводит с Хэррика, совершенно не обращая внимания на остальных

присутствующих.

Амина (стоя у самого порога и глядя на Хэррика). Ты звал?

Хэррик. Слушай, Амина. Я отправляюсь в путешествие. На шесть месяцев. Ты останешься с мистером Сэмуэем.

Амина (после небольшой паузы). Нет, нет. Я тоже иди.

Сэмуэй (ухмыляясь). Как так, Амина! Ты не хочешь остаться со мной?

Амина. Нет. Я иди с Хэрриком. (Быстро подходит к Хэррику и прикладывает его руку к своему лбу.)

Сэмуэй. Вот видите, мистер Струд? Придется вам и ее взять с собой.

Амина (бросив быстрый взгляд на обоих и инстинктивно уловив, как надо себя вести). Да, миста Струд. Возьмите меня с Хэрриком. Я знай лес. Ходи хорошо. Миста Сэмуэй, правда?

Сэмуэй. Конечно, правда.

Хэррик. Амина, иди домой. Я сейчас вернусь, слышишь?

Амина. Я еду готовь. Показывай хороший вода. Делай повязка, чини одежда. Сторожи палатка.

Сэмуэй. А почему бы и нет, мистер Хэррик? Она опытная путешественница и помехой вам не будет.

Хэррик (которому претит мысль, что из всех членов экспедиции только его будет сопровождать женщина.) Нет. Если она не останется здесь, то я отказываюсь от вашего предложения. Спокойной ночи. (Быстро поворачивается, выходит на веранду и исчезает.)

Сэмуэй (резко). Амина!

Амина, которая направилась за Хэрриком, останавливается.

Подойди сюда!

Амина. Хэррик сердится.

Сэмуэй. Слушай меня. Мистер Струд хочет взять Хэррика с собой. Ясно?

Амина смотрит на Струда, тот кивает.

А я хочу послать саям твоему брату. Ясно? Ты делай так, как я скажу. Пусть Хэррик идет. А ты останься, будь хорошей, послушной девушкой, пусть он идет.

Амина делает отрицательный жест.

Ты слушай! Через день я пошлю тебя следом за ними. Ты будешь идти сзади. Догонишь их через пять дней, когда они уже будут далеко и он не сможет отослать тебя назад. И Хэррик возьмет тебя с собой, ясно? Хэррик идет за обезьяной. Ему эта обезьяна очень нужна. Очень. Если он из-за тебя останется здесь, он будет очень зол на тебя. Ясно?

Амина (испытующе смотрит ему в глаза). Вы говори правда?

Сэмуэй. Конечно.

Амина (бросив подозрительный взгляд на Струда). Почему он хочет Хэррик иди с ним?

Сэмуэй (посмотрев на Струда). Хэррик напишет о мистере Струде. Большой шум в стране белых людей. Хорошо для Хэррика, хорошо для Струда.

Амина (Струду). Почему ты не любишь Хэррика?

Струд (растерянно). Я?

Сэмуэй. Амина, ты еще не научилась понимать белых людей. Они не такие, как арабы. Мистер Струд и Хэррик - не друзья и не враги. У них только дело. Ну, говори, будешь делать так, как я скажу, - да или нет?

Амина. Я иди домой. Если Хэррик сердитый на меня, я делай, как вы сказали. Оставайся здесь, иди к вам, вы посылай меня потом. (Прикладывает руку к сердцу.) Вы друг. Мой брат любит вас. Так?

Сэмуэй. Так. Конечно, так.

Амина делает прощальный жест и уходит.

Теперь все в порядке. Он, конечно, будет злиться из-за своего шимпанзе. От одной мысли об этой обезьяне у него слюнки текут. А как вам нравится эта штука? Ничего себе, а? Эти полукровки очень тонкие бестии. И вместе с тем простодушны, как дети. Можете смело рассчитывать на их благодарность, а также на их... месть!

Струд. В ней, видимо, негритянской крови не так уж много?

Сэмуэй. Она наполовину маньема. Их женщины очень хороши собой, да и кожа у них довольна светлая. Ну, а отец ее был чистокровный араб.

С веранды входит слуга, смуглый молодой человек в белом.

Струд. Что там, Задиг?

Задиг. Пришли капитан Локьер, доктор Фрэнкс и мистер Колли, сэр.

Струд. Не возражаете, если я поговорю с ними здесь, Сэмуэй?

Сэмуэй. Конечно, нет. Тащите их сюда.

Входят Локьер, Фрэнкс и Колли. Локьер в белом полотняном костюме, Фрэнкс и Колли - в костюмах из голландского тика. Локьер - сухощавый, загорелый человек с военной выправкой, маленькими, светлыми усиками и тонкими чертами лица. Фрэнкс темноволос и бледен. Колли - крупный мужчина с резкими чертами лица; у него жесткая, густая шевелюра и такие же усы. Все трое здороваются с

Сэмуэем.

Струд. Ну как, господа, все готово? Как ноги ваших солдат, капитан Локьер?

Локьер. Неважно, сэр. Я предпочел бы бангалийцев. Суданцы неплохие ходоки, как пришлось убедиться еще Барттело.

Струд. За три месяца из бангалийца не сделаешь солдата. Ну, а как ваше геологическое оборудование, Колли?

Колли. Так себе. Бывает хуже, но бывает и лучше.

Струд. Вы так сдержанны в своих оценках, что делаете честь своим шотландским соотечественникам... А вы уже покончили со своими прививками, доктор?

Фрэнкс кивает.

Удалось вам достать противоядие Парка против отравленных стрел?

Фрэнкс. Нет.

Струд. В таком случае не забудьте запастись углекислым аммонием... Мы выступаем послезавтра, ровно в четыре утра. До самого леса будем двигаться большими переходами. Нужно, чтобы люди выдержали. У вас достаточно хинина, доктор Фрэнкс?

Фрэнкс кивает.

Прекрасно. Локьер, следите за ногами ваших солдат. Я хочу как можно скорее добраться до области Маньема. Именно там мы можем

наткнуться на остатки работорговли. Нет ли у кого вопросов к нашему другу Сэмуэю?

Локьер. Скажите, Сэмуэй, как настроены племена маньема?

Сэмуэй. Да как сказать... Порой устраивают праздники. Словом, не позволяйте вашим людям разбредаться, а то не миновать им сковородки.

Фрэнкс (Струду). От Ньянгве мы пойдем на юг или на запад?

Струд (переплянувшись с Сэмуэем). Трудно сказать, Фрэнкс. Бельгийцы будут далеко не в восторге от нашего прибытия, так что неизвестно, куда нас забросят обстоятельства. Весьма вероятно, что нам придется отклониться от маршрута. (Обводит взглядом спутников.)

Локьер. Это не имеет особого значения, сэр.

Фрэнкс и Колли кивками выражают согласие.

Струд. Возможно, что к нам присоединится мистер Хэррик. Он ищет какой-то новый вид шимпанзе.

Колли. Ну и ну! Как будто и без того на свете мало обезьян!

Сэмуэй. Видимо, еще не все мы обзавелись предками.

Колли. Лучше не интересоваться предками. Нездоровое занятие.

Локьер. Я бы с удовольствием отдал всех своих предков, чтобы узнать, какая лошадь выиграла кубок Леджера.

Струд. Ну что ж, друзья, отважные сердца, надеюсь, что вы ко всему готовы?

Колли. Если вы собираетесь благословить нас на дорогу, шеф, то у меня припасено немного святой водички. (Вытаскивает из кармана бутылку шампанского и штопор.)

Сэмуэй (Задигу, стоящему в глубине сцены). Подай бокалы!

Задиг. Мистер Хэррик идет обратно, сэр. (Берет бутылку и уходит за бокалами.)

Входит Хэррик, следом за ним Амина.

Хэррик (обводя взглядом собравшихся). Добрый вечер!

Сэмуэй. Ну как, мистер Хэррик?

Хэррик (Струду). Если вы серьезно предлагаете взять меня с собой, то мне остается только поблагодарить вас.

Струд. Я рад, что вы идете с нами.

Хэррик (Сэмуэю). Амина останется с вами, Сэмуэй, - если, конечно, это вас не затруднит.

Сэмуэй (посмотрев на Амину). Какие могут быть сомнения!

Струд. Еще одно, мистер Хэррик. Вы, конечно, понимаете, что вам, как и всем остальным, придется подчиняться моим приказам. В такой экспедиции, как наша, начальнику поневоле приходится устанавливать жесткую дисциплину. В здешних краях, знаете, всякое бывает.

Хэррик легким поклоном выражает свое согласие. Амина, которая стоит неподалеку, прикрыв углом платка лицо, напряженно смотрит на Струда. Задиг

разносит и подает всем мужчинам налитые бокалы.

Сэмуэй (поднимая бокал). Господа, пью за ваше благополучное возвращение. Желаю удачи!

Струд. Сэмуэй, за наш успех! (Осушает бокал.)

Амина стоит неподвижно, переводя глаза со Струда на Хэррика. Осушив бокалы,

Фрэнкс, Локьер и Колли выходят на веранду.

(Идет следом.) Одну минутку, доктор.

Он догоняет их на веранде, и они, разговаривая, уходят все вместе. Амина

стоит неподвижно, наблюдая за Хэрриком и прислушиваясь.

Хэррик (подойдя к Сэмуэю). Что-то не лежит у меня душа к Струду, Сэмуэй. Чем бы это объяснить?

Сэмуэй. Я раза два бывал с ним в серьезных переделках.

Хэррик. Значит, вы должны были неплохо изучить его характер. Что же вы скажете?

Сэмуэй (улыбаясь). Думается мне, что Струд сотворил себе бога по образу и подобию своему. Наверное, в этом все дело.

Хэррик. Иначе говоря, он добивается своего любыми средствами?

Сэмуэй. Вы привыкли называть вещи своими именами. Да, он добивается своего - будь это в лондонском Сити или в африканских лесах.

Хэррик. Понятно.

Сэмуэй. Если б сам аллах сел играть с ним в карты, ему понадобилась бы полная рука козырей, чтобы выиграть у Струда. Это крепкий орешек.

Хэррик. Благодарю. (Вполголоса.) Я могу быть спокоен за Амину?

Сэмуэй. Если она не сбежит отсюда. Не могу же я держать ее под замком.

Хэррик. Если ей нельзя быть со мной, то вы единственный, от кого она не сбежит. Еще раз доброй ночи.

Он пожимает руку Сэмуэю и, сделав Амине знак рукой, уходит. Амина подбегает

к Сэмуэю.

Сэмуэй. Ну что, Амина?

Амина. Вы клянетесь аллахом: я иди за Хэрриком?

Сэмуэй. Клянусь аллахом.

Амина. Вы друг мой, друг моего брата. (Наклоняется вперед, берет руку Сэмуэя и прикладывает ее к своему лбу.)

Сэмуэй. Да, да, Амина.

Амина. Я верю.

Она поднимается и быстро уходит за Хэрриком. У входа на веранду она сталкивается со Струдом и в ответ на его пристальный взгляд закрывает лицо

платком. Он останавливается и продолжает смотреть на нее.

Струд. Помни, Амина, ты должна слушаться меня, как все остальные.

Амина. Я слушаться Хэррика.

Струд. То-то ты не хочешь остаться здесь!

Амина. Я слушаться Хэррика, когда с ним.

Струд. А с другими мужчинами ни-ни-ни!

Амина ("опуская руку с платком, гордо). Ни-ни?! Я никогда ни-ни-ни!

Струд. Так-то! Значит, помни.

Амина (сверкнув глазами и зубами). Да, я помни.

Он проходит мимо нее. Глядя через плечо, она провожает его напряженным

взглядом и затем исчезает.

Сэмуэй. Эта девчонка - странное создание. Ей ничего не стоит пырнуть человека ножом. Вам лучше ладить с ней.

Струд. Это от нее зависит. Никаких особых поблажек ей не будет.. Какого вы мнения о моих ребятах, Сэмуэй? Колли - это неотшлифованный алмаз; Фрэнкс знает свое дело. А как насчет Локьера?

Сэмуэй. Типичный английский джентльмен, насколько я могу судить.

Струд. И это говорит не в его пользу?

Сэмуэй. В здешних краях человека со слишком высокими понятиями о чести могут съесть, вот и все!

Струд (смеется). Ну, а теперь, Сэмуэй, пишите обещанное письмо к брату Амины и расскажите мне все подробности нашего маршрута: я намерен добраться до цели во что бы то ни стало.

Он разворачивает карту, и они склоняются над нею.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Два месяца спустя. Полдень. Большая туземная хижина на западном берегу реки Луалабы. Часть циновок над входом в задней стенке хижины приподнята; вдали виднеется вытопанная поляна, окруженная высокими деревьями и кустарником. Дальше поблескивает река. Хижина выстроена из жердей, переплетенных огромными листьями амомы, и обмазана изнутри глиной. Крыша имеет коническую форму. Никаких предметов, кроме разбросанных там и сям рюкзаков и мисок, в хижине нет. Справа, завернувшись в одеяло, спит Колли. У него только недавно кончился приступ малярии. В центре прямо на земле, скрестив по-турецки ноги, сидит Локьер, все еще сохранивший некоторую воинскую подтянутость. Он в рубашке и брюках. На коленях у него путевой журнал, в который он вносит очередную запись. Рядом с ним на полу стоит туземный кувшин. Кое-где развешана на просушку одежда. Изредка в дверях мелькает солдат-суданец, несущий караул снаружи. Входит Фрэнкс. Он похудел, зарос темной бородой и выпядит изможденным. Проходит к центру хижины и поднимает кувшин,

намереваясь выпить воды.

Локьер. Осторожно, Фрэнкс. Тут некипяченая. Возьмите. (Протягивает ему свою флягу.)

Фрэнкс пьет.

Фрэнкс. Ваш суданец годится теперь только на корм крокодилам, Локьер.

Локьер. Жаль беднягу.

Фрэнкс. Против этого яда углекислый аммоний почти не действует. Двое из носильщиков тоже скоро умрут. У них уже

начинается столбняк. (В полном изнеможении прислоняется к стене слева и глядит на Локьера.)

Локьер. А как у нашего шефа, прошла малярия?

Франке. Проща. Здоров, как бык. Теперь мы скоро двинемся в путь.

Локьер. А у вас ведь тоже малярия как будто разыгрывается?

Фрэнкс кивает.

У Колли температура упала. (Закрывает журнал.) Послушайте, старина, ложитесь спать, а я вас потом сменю. Если мы действительно снимемся с места, вам нужно отдохнуть.

Фрэнкс (у него начинается пароксизм лихорадки). Скажите, Локьер, для чего мы переправились через Луалабу? Дело, ради которого все это затеяно, требовало, чтобы мы оставались между Луалабой и озерами. Два месяца мы добирались сюда с таким дьявольским трудом, а сделать ничего не сделали. Работоторговцев мы даже и не пытались искать. Да и следов их нигде не видно. И все гоним этих несчастных негров вперед. Гоним и гоним! Шестерых доконали. Еще двое обречены на гибель. Восемь из них не в состоянии нести поклажу. Какое там! Они и двигаться не могут: придется оставить их здесь. И еще шесть свалятся, когда мы снова выступим в поход. А впереди - лес, экваториальный лес, боже мой! (Он почти кричит.)

Колли просыпается и садится.

Что затеял Струд? Черт бы его побрал!

Локьер. Спокойней, дружище!

Колли. "Врачу: исцелился сам!" (Встает.) Э! Да я чувствую себя совсем хорошо. А вы ложитесь, Фрэнкс. Не такой уж вы здоровяк. Я же вам вчера говорил, чтобы вы скинули промокшую одежонку.

Фрэнкс. Мне было не до того! Трое из наших людей умирали у меня на руках, а шеф выходит из себя от каждой потери. Он ведет какую-то свою игру и скрывает ее от нас. Я это почувствовал с самого начала. Дальше мы так двигаться не можем: наши люди превратились в скелеты. Мы обязаны сделать передышку и дать им подкормиться.

Колли. Передышка кончится тем, что мы сами попадем на корм кому-нибудь. Барабаны гремели всю ночь. В любой момент на нас могут снова напасть.

Локьер. Ну, вчера-то, во время переправы, мы им как следует всыпали.

Колли. Всыпать-то всыпали, но у этих черномазых память короткая.

Фрэнкс идет к сложенным на полу одеялам.

Я согласен с доктором - пусть нам скажут, ради чего мы так рвемся вперед.

Фрэнкс. Им даже незачем тратить на нас стрелы. При такой гонке мы через две недели все свалимся и больше не встанем. Проклятые вонючие болота!

Фрэнкса начинает бить сильный озноб. Колли закутывает его в одеяло и чуть ли не силой усаживает у стены справа. Часовой у входа становится навытяжку.

Часовой. Начальник идет! Капитан! (Издает еще какой-то нечленораздельный звук и, вытянувшись, замирает.)

Входит Струд. Часовой снова начинает ходить взад и вперед. В отличие от остальных членов экспедиции Струд не кажется измученным, несмотря на то, что

и он похудел и пожелтел. Лицо его мрачнее тучи; у пояса револьвер.

Струд. Господа, как прикажете это понимать? Кто из вас начальник караула? Неужели вы забыли, что вчера во время переправы мы подверглись нападению? Чье дежурство сегодня?

Локьер. Я уже иду, сэр.

Струд. Ваше "уже иду", капитан Локьер, не меняет дела. Где Хэррик? Пусть он тоже подежурит.

Локьер. Мы хотели задать вам один вопрос, сэр...

Струд (зловеще). Какой?

Локьер. Для чего мы переправились через Луалабу? Мы полагаем...

Струд. Я считаю, что вы солдат.

Локьер (не смутившись). Мы полагаем, сэр, что положение очень опасно. Мы подписали контракт на участие в экспедиции между рекой Луалабой и озерами.

Струд. Ваша подпись обязывает вас подчиняться мне в течение семи месяцев. Остается еще пять месяцев, капитан Локьер. На карту поставлена ваша репутация военного.

Локьер. Это мне известно, сэр. Но вы вступили в область, заселенную каннибалами, и наши люди перепуганы. Они могут дезертировать,

Струд. До сих пор за дезертирство я только наказывал плетьюми. Следующего, кто попытается бежать, я расстреляю. (Мрачно.) Но навряд ли кто-нибудь рискнет удрать, пока мы находимся между Луалабой и Ломами. Каждый отставший от экспедиции сразу станет добычей каннибалов.

Фрэнкс. А если мы все вернемся на тот берег реки?

Струд (опуская руку на рукоятку револьвера). Доктор Фрэнкс!

Локьер (спокойно). У Фрэнкса приступ малярии, сэр. Но мы были бы признательны вам, если б вы точно назвали нам ту цель, ради которой все члены экспедиции рискуют жизнью.

Колли. Да, да, шеф. Что это у нас - увеселительная прогулка, и больше ничего?

Струд (сдерживая себя). Господа, в интересах безопасности мне пришлось хранить тайну, иначе мы потеряли бы носильщиков. Теперь мы, так сказать, в безопасности, и я могу вам сообщить, что в действительности наш путь лежит на юг, в область Касаи.

Все поражены.

Колли. И чего ради?

Струд. Ради алмазов. И, кроме одного бельгийца, никто о них не знает. Мы должны перегнать его отряд, выступивший из Басоко.

Фрэнкс смеется.

Колли. Алмазы? Черт побери!

Локьер. Значит, работоторговля тут ни при чем?

Струд. Наоборот. Именно здесь я собираюсь получить кое-какие сведения. Но и вторая наша цель не менее важна.

Локьер. Говоря откровенно, сэр, если бы я знал, что это чисто коммерческая экспедиция, я бы ни за что не принял в ней участия.

Струд. Коммерческая? А вы что-нибудь слышали о залежах меди в Катанге? Ведь юго-восток Конго - это сплошная масса полезных ископаемых. Да, господа, это позор, что мы упустили такой кусочек. Сэмюэй показывал мне алмазы, которые он нашел немного западнее. Если мы успеем сделать заявку первооткрывателя, это приведет к пересмотру всей границы и присоединит к великобританскому флагу

один из богатейших уголков Африки. По-вашему, это коммерция, Локьер?

Локьер (не сдаваясь). Как это понимать, сэр? Ведь имеется же раз и навсегда установленная граница...

Струд. Раз и навсегда установленных границ нет и не бывает.

Локьер. Ну, если это делается во имя британского флага...

Колли. Неплохая мысль!

Струд. Стоит того, чтобы поступиться жизнью нескольких негров, а заодно и некоторыми никому не нужными принципами.

Фрэнкс. Только двадцать шесть носильщиков смогут продолжать поход, но и из них шестеро через день-другой останутся лежать на дороге. Восемь человек совсем не могут идти, а двое умирают. Что вы собираетесь делать с ними?

Струд. Переправить их вместе с мистером Хэрриком и с вами, доктор Фрэнкс, на тот берег. Там вы расположитесь лагерем, пока не сможете снова выступить, после чего вы поведете их домой тем же путем, каким шли мы, или на Танганьiku, - как вам будет удобнее. Я надеюсь послать с вами данные о работоторговле.

Фрэнкс. Работоторговля! Сами мы рабовладельцы, погонщики двуногого скота... (Истерически смеется.)

Локьер. Фрэнкс!.. Но, сэр, у нас только девять суданцев и меньше тридцати носильщиков, причем все они в плохом состоянии. Наши шансы пробиться крайне ничтожны. На нас будут непрестанно нападать.

Струд. Как вы думаете, почему я тащил сюда эту девчонку Харрика?

Локьер. Вот именно, сэр, почему? Это такой змееныш!..

Струд. Потому что она сестра одного араба - друга Сэмуэя. А он правит в здешних краях. Он обеспечит нам беспрепятственный переход до Ломами и, если понадобится, новых носильщиков.

Локьер. Ах так! Что ж, это неплохо.

Струд. Ну, довольно разговоров, Локьер. (Протягивает Локьеру руку, тот пожимает ее.) Назначьте Хэррика на дежурство. А его девчонку я сейчас пошлю с письмом Сэмуэя. (Бросает мрачный взгляд на Фрэнкса и выходит.)

Локьер берет свой пояс, револьвер, стэк, застегивает пояс и останавливается,

глядя на Фрэнкса.

Локьер. Постарайтесь заснуть, старина. (Выходит и говорит что-то часовому.)

Колли начинает прибирать разбросанные по хижине вещи.

Фрэнкс (сидит съежившись, подтянув колени к подбородку). Славный малый этот Локьер, но дурак. На костях таких вот дураков, как Локьер, и создана наша империя.

Колли (подходит к нему). Ну, нет! Империя создана людьми, которых тянет помериться силами с непреодолимым. В своем роде Струд - великий человек.

Фрэнкс. Локьер стоит десятерых таких, как Струд.

Колли. Вы несправедливы, доктор. Каждая квадратная миля земли, которую можно назвать цивилизованной, обязана этим своему Струду. Если бы не Струды, все мы до сих пор оставались бы дикарями. Еще не так давно Англия была дикой лесной чащей.

Фрэнкс (тоном человека, произносящего нечто совершенно невообразимое). Англия!

Колли (наклоняется и рассматривает свои жилистые ноги). Доктор, меня одолевают какие-то ползучие твари. Хижина, в которой я вчера ночевал, прямо кишела ими.

Фрэнкс (внезапно). Гоним и гоним вперед этих несчастных негров. Вы видели, что от них осталось?! Кожа да кости!

Колли (пытаясь успокоить его). Ну и что же? Вы их подлечите и доставите домой.

Фрэнкс. Не видать им своего дома. Кости их останутся гнить в лесу, и Струд это прекрасно знает.

Колли. Ничего не поделаешь! (Потягиваясь.) Эх! Я сейчас продал бы душу за бутылку виски.

У входа показывается Хэррик. Когда он входит, бросается в глаза, насколько

он изможден.

Хэррик. Карта у вас есть?

Колли. Значит, Локьер вам уже все рассказал?

Хэррик (кивает). Это называется загребать жар чужими руками. (Рассматривает карту.) Фрэнкс, когда ваши люди оправятся, мы двинемся к Бамбарийским горам и Танганьике. У вас приступ?

Фрэнкс кивает. У него сильный озноб.

Сильные боли? Спина? Сделать вам укол? (Вынимает из кармана Фрэнкса футлярчик и готовит шприц для укола.) Знаете, Колли, вчера, когда мы переправлялись через реку, я поймал лягушку с длинными острыми когтями и без перепонки на лапах. Ну, доктор, давайте. (Делает укол.)

Колли. Великое дело - опий! (Ведет пальцем по карте.) Черт! До этих алмазов не так-то скоро доберешься. А насчет Амины вы слышали?

Хэррик. Слышал.

Колли. Ну, и как вы думаете - пойдет? Она не очень-то любит Струда. Бог ты мой, как она на него смотрит! Да, очень жаль, что вы не ладите со Струдом. Сколько прекрасных планов гибнет из-за личных недоразумений!

Хэррик. Струд - скотина.

Колли (сердито). А ну вас! Да и доктор тоже! Посмотрел бы я, как бы вы провели караван через эти дебри! Дальше порога хижины вам бы не уйти.

Хэррик (Фрэнксу). Легче стало?

Фрэнкс кивает. После укола его начинает клонить ко сну.

Колли. Лес рубят - щепки летят. Что такое жизнь нескольких негров по сравнению с открытиями во имя науки и промышленности! Думается мне, Хэррик, что лучше всего вам было бы сидеть да изучать шимпанзе в Кенсингтонском саду, у Круглого Пруда... А это что еще такое?

Снаружи доносится шум.

Еще один из ваших пациентов умер, доктор?

Фрэнкс пытается приподняться, но сон одолевает его, и он опять валится на

постель. Шум усиливается.

Эге-ге! Нельзя сказать, чтобы эти прихожане были очень богобоязненны. (Тянется за револьвером.)

Хэррик идет к двери, но отступает, чтобы пропустить Струда. У Струда в руках хлыст; он разъярен. Когда он входит, солдат-суданец загоразивает собой

вход.

Струд (увидев Хэррика, резко останавливается). Вы что-нибудь знаете об этом?

Хэррик (вызывающе). О чем именно?

Струд. Это вы подослали свою девчонку шарить в моей палатке?

Хэррик. Прошу не разговаривать со мной таким тоном. Я вам не чернокожий, мистер Струд.

Голос Локьера. Давайте ее в хижину.

Входят четыре оборванных суданца, ведя Амину. Последним входит Локьер. По его указанию они расступаются и выстраиваются у двери. Амина остается между Струдом и Хэрриком. Она стоит неподвижно, но глаза ее сверкают

зловещим блеском. Струд уже овладел собой.

Струд. Локьер! Колли! Несколько минут назад, пока я был здесь, из моей палатки пропало письмо Сэмуэля к брату Амины. Где Задиг? Позовите его.

Локьер выплывает из хижины и машет рукой. Входит бербериец Задиг, слуга

Струда. Амина злобно смотрит на него.

Задиг, ты видел, как эта женщина только что выходила из моей палатки?

Задиг. Да, господин.

Амина. Неправда. Он не видеть меня выходи.

Задиг (делает жест торжественной клятвы). Господин, это правда. Я видел ее.

Струд. И в руке у нее что-то было?

Задиг. Да, господин. Что-то белое.

Струд. Письмо?

Задиг. Слишком далеко, господин. Не могу сказать.

Амина. Ты не видеть меня.

Струд. Тише, ты! Как она себя вела, как воровка?

Задиг. Господин, она гляди сюда, потом туда (изображает то, что видел), потом увидела меня и бежал палатка миста Хэррик. Я иду тоже. Миста Хэррик нет палатка. Эта женщина стоит, смотрит, ругает меня. Я спрашивал: "Что ты делал палатка моего хозяина?" Она говорил: "Я ничего не делал", - так говорил. Господин, я видел ее выходил. Она плохой - украл какой-то вещь.

Струд. Что ты сделал после этого?

Задиг. Я следил, громко кричал. Капитан Локьер приходит с этими солдат, хватал ее, потом посылал меня за вами.

Струд. А что она делала, пока ты следил за ней?

Задиг. Плевал в меня, звал меня собака. Она плохой женщина.

Струд. А она не пыталась что-нибудь спрятать, не делала вот таких движений?

Задиг. Она делал руками вот так. (Кладет руки на бедра.) Плохой женщина.

Струд (Хэррику). Вы знали об этом письме?

Хэррик. Локьер мне только что сказал о нем.

Струд. Где?

Хэррик. В моей палатке,

Струд. Амина была при этом?

Хэррик. Да.

Струд. Локьер, возьмите Задига, тщательно обыщите палатку мистера Хэррика и вернитесь сюда как можно скорее.

Локьер и Задиг уходят.

Хэррик. Какое вы имеете право...

Струд. Право самосохранения. Если в вашей палатке письма не окажется, значит, оно у нее.

Хэррик (Амине, сурово). Ты украла письмо?

Амина (глядя на него с собачьей преданностью). Я не крал. Арабский девушка никогда не крал. Почему я крал письмо? Какой мне польза?

Хэррик. Для чего ты залезла в палатку мистера Струда?

Амина. Я не залез. Я стоял около палатка.

Хэррик. Для чего?

Амина. Смотрел, какой палатка лучше: твой палатка или миста Струда.

Струд. Мистер Колли, пойдите и внимательно осмотрите пространство между палаткой мистера Хэррика и моей.

Колли выходит.

Хэррик. В чем бы ни заключался ее проступок, прошу вас обращаться с ней по-человечески.

Струд. Жизнь всех членов экспедиции зависит от этого письма. И, клянусь богом, я его получу, даже если мне придется вот этим хлыстом выколотить из нее душу. Наши жизни дороже жизни какой-то проходимки.

Хэррик. Вы хотите нашими руками жар загребать...

Но пока он говорит, входят Локьер, Задиг и Колли.

Струд. Нашли, капитан?

Локьер. Нет, там ничего нет, сэр.

Струд. А вы, Колли?

Колли. Никаких следов.

Струд (делает шаг к Амине и поднимает хлыст). Ну! Сейчас же отдай мне письмо! Быстро!

Амина съезживается, но глаза ее горят ненавистью. Она бросает взгляд на

Хэррика, как бы призывая его на помощь. Хэррик делает шаг вперед.

Окружить ее!

Суданцы становятся вокруг Амины.

Ни с места, мистер Хэррик! (Амине.) Ты отдашь письмо?

Амина. Я не имею письмо.

Струд. Общитесь с ней!

Хэррик. Прекратите это безобразие. Я сам поговорю с ней.

Два суданца преграждают ему путь скрещенными винтовками, двое других хватают

Амину. Пауза.

Струд. Раздеть ее!

Локьер (внезапно). Отставить!

Суданцы застывают.

Простите, сэр. Этого я не могу позволить.

Струд (в ярости). Капитан Локьер, к черту неуместную щепетильность! Речь идет о вашей и моей жизни, о жизни всех нас!

Локьер. Посадите ее под замок, сэр. Рано или поздно она отдаст вам письмо.

Амина (с гордым и торжествующим жестом). Я не имею письмо. Я съел его!

Струд поднимает хлыст, но Локьер успевает подставить свой стэк и сильно

смягчить удар.

Я убей тебя когда-нибудь.

Струд (быстро овладев собой, со свойственным ему внезапным переходом от одного настроения к другому). Ну что ж! Капитан Локьер, отдайте приказ выступить из лагеря. Через час мы

отправляемся. Отрядите трех солдат охранять эту девчонку и предупредите, что я сдеру с них шкуру, если они дадут ей улизнуть. Она пойдет с нами, и при первом же нападении на нас я прикажу застрелить ее. Задиг, приведи ко мне двух туземцев, которых мы захватили вчера, и останься в палатке - будешь переводить. Я скажу им, что сестра Самеда в наших руках, а потом отпущу их, чтобы они разнесли эту новость подальше.

Задиг выходит.

Колли. Скажите, шеф, есть ли у нас теперь какие-нибудь шансы пробиться?

Струд. Не знаю. Но попытаемся, Колли. Свертывайте лагерь.

Колли пожимает плечами, подхватывает уже собранные рюкзаки - свой и Локьера

- и выходит.

Капитан Локьер, свяжите ее покрепче и уведите. Оставьте четырех человек в распоряжение доктора Фрэнкса он поведет назад десятерых больных носильщиков.

Локьер с солдатами выходит, уводя с собой Амину.

Доктор Фрэнкс, как только вы будете в состоянии двигаться, возьмите лодку и переправьтесь на тот берег. Там расположитесь лагерем до выздоровления ваших людей. Затем направляйтесь на озеро Альберта или на Танганьiku, как найдете лучше.

Фрэнкс, который тем временем встал на ноги, молча смотрит на него в упор.

Хэррик, я задержу вашу девчонку, пока мы не переправимся через Ломами. Если на нас не нападут, ее и пальцем не тронут. Это из-за нее мы попали в такое положение, пусть теперь она поможет нам спастись. Вам не нравятся мои методы руководства экспедицией, - ну что ж, теперь у вас будет возможность убедиться, что без них вы далеко не уйдете. (Выходит и снаружи отцепляет поднятые циновки, которые, падая, закрывают вход в хижину.)

В полумраке хижины некоторое время стоит полная тишина.

Хэррик (подходит к Фрэнксу, чтобы лучше разглядеть его). Бросили нас на произвол судьбы, доктор!

Фрэнкс (с легким смехом). Гнилую ветвь топором долой! (Вскрикнув от резкой боли, замолкает и опускается на одеяла.)

Хэррик. Давайте-ка! (Приподнимает Фрэнкса и снова готовит шприц для укола).

Фрэнкс (замирающим голосом). Спасибо, спасибо вам. (Рот его кривится от боли.)

Хэррик делает укол. Слабая улыбка появляется на губах Фрэнкса. Он откидывается назад и говорит, засыпая:

Вот они - дебри!

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Занавес опускается только на несколько секунд, показывая, что прошел некоторый промежуток времени. Декорации те же. Полдень, тремя днями позже. В хижине нет никаких вещей, кроме аптечки. Циновка над входом исчезла. Фрэнкс, еле двигая руками, перебирает содержимое аптечки. Малярия у него прошла, но выглядит он очень слабым и изможденным. Входит Хэррик, за ним суданец.

Хэррик. Доктор, дайте ему хинина.

Фрэнкс (поднимая склянку). Вот все, что оставил мне Струд. (Подзывает суданца, пытливо смотрит на него и дает ему дозу лекарства.)

Солдат отдает честь и выходит.

Хэррик. Это самый надежный из наших людей... А они все еще не нападают, три дня прошло. Странно.

Фрэнкс. Они, должно быть, ушли за Струдом.

Хэррик. Продовольствие у нас на исходе, Фрэнкс, а я не рискую позволить нашим людям выйти на охоту. Хватит у вас сил переправиться на тот берег?

Фрэнкс (пожав плечами). Раз надо, значит, хватит...

Хэррик. Странное дело - цвет кожи. Может статься, я эту девушку больше никогда не увижу. И оказывается, я любил ее не больше, чем, ну, скажем, мог бы любить собаку... В вашей аптечке найдется место для этой склянки? Мне бы не хотелось лишиться моей лягушки. Забавное созданище, не правда ли? (Показывает Фрэнксу заспиртованную лягушку.) Какое здесь многообразие бытия! Как в этих дебрях бушуют и жизнь и смерть!

Фрэнкс. А вы помните, в книге Стэнли жена одного носильщика, умирая, говорит: "Дурной это мир, хозяин, и вы совсем заблудились в

нем". Вот и мы тоже... Сколько нам потребуется рейсов на лодке? Учитывая, что нас четырнадцать человек и тюки?

Хэррик. Четыре, я думаю. Надо снабдить это созданыце этикеткой.

Фрэнкс выходит. Хэррик гадится, вырывает из блокнота листок и пишет: "Раздельнопалая лягушка с когтями. Найдена на реке Луалабе 25 декабря 1898 года. Чарлз Хэррик". Пока он наклеивает ярлык на банку, входит Амина. Одежда на ней изорвана, но девушка не кажется усталой. Она крадется вперед с характерными для нее гибкими движениями, бросается к Хэррику и обнимает его

колени, прежде чем он успевает заметить ее появление.

Амина. Амина вернулась! Бежал, шел через лес, обратно к Хэррик. (Снова обнимает его колени и хочет поцеловать его ноги.)

Хэррик (поднимаясь). Встань. Я не люблю, когда ты так делаешь. (Поднимает ее и гладит по плечу.) Где ты оставила их, Амина?

Амина. Два перехода. (С улыбкой, обнажающей ее белые зубы.) Они нет умный. Амина умный. Ночью жги веревка, смотри! (Показывает ожог на руке.)

Хэррик. Боже мой! Но ведь это же очень больно!

Амина. Пять носильщиков бежал. Два убит стрелами. Скоро все бежат, другие убиты. Они не иди много перехода, нет! (Ее глаза и зубы сверкают.) Теперь я веди Хэррик домой, скоро, скоро. Амина умный, письмо здесь, всегда. (Рука ее скользит за пазуху и извлекает на свет письмо.)

Хэррик. Змееныш!

Амина (горделиво). Держал для Хэррик. (Подает письмо Хэррику.) Теперь Хэррик не бойся ничего.

Хэррик (читает письмо; его лицо выражает крайнюю озабоченность и недоумение). А теперь скажи мне, что заставило тебя украсть это письмо?

Амина. Струд не люби Хэррик, Струд бери письмо, оставляй Хэррик в лесу, батетела убей Хэррик. А теперь батетела убей Струд, скоро убей.

Хэррик (про себя). Кто способен предугадать ход их мыслей? Сущяя Иезавель!

Хотя Амина совершенно не поняла слов Хэррика, но его жест вызывает у нее

тревогу.

Амина. Я спасай жизнь Хэррика. Хэррик бери письмо, мой брат будет друг Хэррик.

Хэррик (полностью осознав, в какой опасности находится экспедиция). Боже мой! Что же мне делать?

Амина. Струд скоро умирай, собака!

Хэррик. Слушай, Амина. Мы не друзья со Струдом, но я никогда не позволю, чтобы Струд, Локьер и Колли погибли. Понимаешь? Никогда!

Амина. Нет. Струд умирай. Он ударил Амину.

Хэррик. Отведи меня к своему брату. Идем, сию же минуту идем!

Амина. Нет! Амина переходит река, бери Хэррик домой.

Хэррик. Хорошо, в таком случае я вернусь к Струду и Локьеру.

Амина. Нет, нет! Почему ты думай о Струде! Он не думай о Хэррик.

Хэррик. Меньше всего я думаю о Струде. Но белые люди не бросают друг друга в беде.

Амина. Он не друг, он враг.

Хэррик. Идем сейчас же. Делай, что я тебе говорю. Веди меня к своему брату.

Амина (страстно). Я живи два года с Хэррик. Не хочу обратно к моим людям. Не хочу лес. Хочу только Хэррик.

Хэррик. Клянусь аллахом, если ты не отведешь меня к своему брату, больше тебе не жить со мной.

Амина. Если мой брат узнай, что Струд ударил Амину, он убей Струд!

Хэррик. Ты ему ничего не скажешь. Идем же, идем!

Амина. Мой брат сердись. Почему Струд иди его страна? Делай плохо для торговли брата. Посылай сказать белым людям; Самед лови рабов. Амина знай. Она слышал. Мой брат уже хочет убей Струд. Струд имей мало людей, очень слабый.

Хэррик. Амина, в последний раз тебе говорю, отведи меня к своему брату, или мы расстанемся навсегда.

Амина (колотя себя в грудь). Нет, нет! Я делай для Хэррик, жги веревка, иди одна вся дорога через лес, спасай Хэррик.

Хэррик. В таком случае спаси и остальных!

Амина. Струд? Нет! Он плохой человек. Оставляй Хэррик и доктор Фрэнкс умирать.

Хэррик. Отведешь ты меня к своему брату или нет?

Амина (внезапно угасшим тоном). Ты сердитый. Я делаю, что ты говори.

У входа появляется Фрэнкс.

Фрэнкс. Лодка угнана, Хэррик.

Хэррик (протягивая Фрэнксу письмо и показывая на Амину). Она сбежала. А письмо осталось при ней.

Фрэнкс. А как же Струд?

Хэррик. Все они в смертельной опасности. Единственная надежда на ее брата. Она должна сейчас же отвести меня к нему. Сию же минуту.

Фрэнкс. А мы?

Хэррик. Соорудите плот. Не падайте духом, Фрэнкс. Постарайтесь переправиться. Через три дня я или вернусь, или дам о себе знать. Им сейчас куда хуже, чем нам.

Фрэнкс (вполголоса). А ей можно доверять?

Хэррик. Если дело касается меня? Вполне! Ну, прощайте, старина. Амина, идем!

Хэррик выходит, за ним Амина. Фрэнкс глядит им вслед.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Вечер следующего дня. Палатка Локьера и Колли в лесных зарослях, в четырех коротких переходах от реки Луалабы. Небольшой фонарь освещает палатку изнутри. Передний край палатки поднят. Кругом сумрачная чаща экваториального леса. Слева виднеется силуэт еще одной палатки, справа расположились четыре суданца; трое из них сидят на корточках, четвертый стоит, опершись на ружье. Локьер и Колли сидят перед палаткой. Они только что закончили свой скудный ужин, состоявший из бананов и сухарей, и теперь закуривают трубки. Револьверы и винтовки лежат у них под рукой. Время от времени из чащи

доносится глухая дробь туземных барабанов.

Колли (прислушиваясь). Проклятые барабаны! До чего же они похожи на барабаны Армии Спасения у нас в Глазго!

Локьер. Спасения! Придет же такое в голову! Как вы все это расцениваете, Колли?

Колли. Трудно сказать... Иногда на меня накатывает странное чувство, когда, знаете, еще немного - и ты уже за последствия не отвечаешь. С вами так никогда не бывает?

Локьер. Нет.

Колли. Все зависит от воспитания. Английского джентльмена всегда можно отличить. Если он и пьянеет, то только от вина.

Локьер. Зато тут он возмещает все с лихвой.

Колли. Ей-богу, жаль, что я не могу сейчас нахлестаться! Теперь, после бегства этой девчонки, нам каюк. До реки Ломами уже не дотянуть.

Локьер. Сколько, по-вашему, осталось?

Колли. Миль сорок. За четыре дня мы не прошли и тридцати, а потеряли уже двенадцать человек. Струд ни за что не хочет повернуть обратно. Он совсем свихнулся!

Локьер (пожав плечами). Махмуд!

Стоявший суданец подходит к Локьеру.

Не забывай делать обход!

Солдат отдает честь и идет налево.

У меня опять начинается лихорадка, Колли. Что-то очень уж я болтлив стал.

Колли. Верный признак лихорадки или умопомешательства. Впрочем, я тоже не собираюсь спать, пока не выскажу Струду всего, что думаю. Найдется у вас плоток коньяку?

Локьер передает ему флягу.

Локьер. Колли, как насчет бараньих котлет с зеленым горошком и спаржей? И к ним неплохо бутылочку замороженного шампанского!

Колли. Нет, не то. Свежий лосось - только-только из воды. И кувшин нашего доброго шотландского виски!

Локьер. Интересно, как проходит охотничий сезон там, дома... И почему только мы любим забираться в такую глушь? Великий боже, все мы спятили! Этот табак отвратителен. Впрочем, так всегда бывает перед приступами. Следующей весной лошадь моего брата будет участвовать в Дерби. Интересно, надумает ли он поставить что-нибудь за меня? Интересно, думает ли он вообще обо мне? И думает ли о нас вообще кто-нибудь или никто о нас, об этих дураках, не думает!

Колли!.. А как насчет холодного пирога с голубями и стакана ледяного кларета? А может быть, хорошую телячью отбивную и бутылочку рейнского белого, а? О черт! Дома я никогда не думал о том, что ел. Если бы мы были бельгийцами, мы сейчас говорили бы о женщинах. Вы играли когда-нибудь в крикет?

Колли (качая головой). Нет, я обычно развлекаюсь гольфом.

Локьер. Глупая игра! Как вы думаете, Колли, а что такое, в сущности говоря, смерть?

Колли. Если Струд не повернет назад, мы очень скоро узнаем, что это такое.

Локьер. Ну, а все-таки, что это? Пересадка с одного поезда на другой или просто полная тьма?

Колли. А кто его знает? Хуже этого леса все равно ничего нет и быть не может.

Локьер. О да! Вообразите себе только, что нашим душам придется обитать здесь!

...Хоть черен я, душа моя бела;
Как ангел светлый - белое дитя...

Колли. Ну-ка измерьте температуру. (Протягивает ему термометр.)

Локьер (отмахнувшись). Интересно, приходилось ли когда-нибудь всемогущему защищать ворота от таких ударов? Всемогущий? Но ведь если он всемогущий, то ему ничего не стоит в любой момент повернуть ход игры в свою пользу, а?

Колли. Что за разговоры! Ясно, что у боженки нервы крепкие. Вообразите, что это вы создали эти дебри! Легко ли вам было бы?

Локьер. Да. Они заткнут за пояс все остальное мироздание! Но зато с каким чувством мы будем вспоминать о них! Черт возьми, я так и представляю себе: сижу я, передо мной только что начатая бутылка, и я предаюсь воспоминаниям.

Колли. Ну, ясно, у вас лихорадка. Примите штуки две. (Протягивает ему склянку с таблетками.)

Локьер (проглотив две таблетки). Вы ведь женаты, Колли?

Колли кивает.

Да. Это плохо! Дети есть?

Колли. Двое. Замечательные ребяташки.

Локьер. Какого же черта вас занесло сюда?

Колли. Да, видите ли, есть у меня для них кое-какие планы на будущее.

У Локьера вырывается смешок.

Локьер. Простите, старина, но, знаете, сидеть здесь и строить планы на будущее!.. Это довольно... забавно, а?

Колли. Может быть. Вот я и собираюсь поговорить обо всем со Струдом! (Встает и направляется ко второй палатке.)

Локьер (про себя). Бедняга Колли!

Звук барабанов усиливается. Локьер наклоняется вперед и прислушивается.

Звук продолжает нарастать.

Вот это да!..

Суданцы, которые сидели на корточках и разговаривали, встают и вместе с

присоединившимся к ним Махмудом подходят к Локьеру.

Махмуд. Капитан-сагиб! Люди говори: больше не могу ходи. Утром все убеги. Плохой страна, плохой народ, людоеды.

Звук барабанов начинает доноситься со всех сторон. Суданцы с явной тревогой

слушают и переглядываются.

Больше не могу ходи.

Локьер (выхватывая револьвер и вскакивая на ноги). Смирно!

Солдаты неохотно вытягиваются.

Это еще что такое, Махмуд? Если я скажу об этом Струд-сагибу, он прикажет расстрелять тебя за подстрекательство к мятежу.

Махмуд. Все не расстрелять. Утром все уходи.

Локьер. Так нельзя, Махмуд. Солдаты ничего не боятся. Подчиняйся приказам.

Махмуд (подносит руку ко рту и животу; остальные повторяют его жест). Не кушай - не могу ходи. Локьер-сагиб прикажи: "Кругом, шагом арш!" - все слушайся, все ходи обратно река... Локьер-сагиб - хороший человек, наш офицер. Струд-сагиб... (Качает головой.)

Локьер. Махмуд!

Махмуд (мрачно). Наш офицер веди - никакой мятеж.

Локьер. Негодяй! Как ты смеешь!

Махмуд. Нет, сагиб, мы не плохой люди. Мы голодный. Ноги болит, везде болит. Мы не хоти так умирай. Носильщик все беги,

бросай нас. Тогда все скоро умирай, белый человек тоже. (Отдает честь.) Локьер-сагиб, спасай люди!

Локьер. Ты подчиняешься моим приказам, Махмуд, а я подчиняюсь приказам Струд-сагиба.

Махмуд (ожесточенно). Клянусь аллахом, больше не могу ходи!

Локьер подносит к губам свисток и свистит. Кругом все приходит в движение, и в темноте, позади суданцев, появляются изможденные фигуры негров-носильщиков. Из темноты, слева, быстрыми шагами входят Струд и Колли

с револьверами в руках, за ними следует Задиг.

Струд. Что случилось, капитан?

Локьер. Люди отказываются выступить завтра.

Струд. Кто говорил от их имени?

Локьер (указывая на Махмуда). Вот этот, Махмуд.

Струд (взяв Махмуда на прицел). Арестуйте его.

Локьер (Махмуду). Сложить оружие!

Махмуд кладет на землю винтовку и с достоинством складывает руки на груди.

Струд. Так вот что, друг мой! Если завтра утром ты откажешься выполнять мои приказания, тебя расстреляют. (Носильщикам.) Слушайте, ребята. Кто убежит, того убьют батетелы.

От сгрудившихся в кучу носильщиков отделяются двое. Это жалкие, измученные существа.

Первый носильщик. Начальник! Еда нет, много болячка, лихорадка. Плохой караван. Иди обратно река, тот сторона, найди еда.

Второй носильщик. Мы не нанимайся ходи это место, начальник. Дома жена, дети. Скоро мы упал, не могу нести поклажа. Смотри, начальник! Мы не ходи, не могу ходи. Смотри! (Приподнимает рваную повязку, прикрывающую ногу, и показывает огромную болячку.)

Локьер отворачивается.

Струд. Слушайте! (Показывает на Махмуда.) Этот человек вас обманывает. Идти обратно нельзя. Идти обратно - батетела нападут, убьют всех. Доверьтесь мне, ребята. Только я могу спасти вас. Верьте мне.

Носильщики плядут на него с сомнением и мольбой. Им трудно поверить, что он говорит правду.

Первый носильщик (занзбирец). Начальник, сегодня Ками умирай, завтра (показывает на второго носильщика) Умари; скоро мой брат Мабрук (показывает на третьего носильщика) тоже умирай. Слишком далеко от наша страна, плохой лес, плохой люди, едят врага.

Третий носильщик (Мабрук). Начальник, два луна мы шагай, шагай, носи поклажа слишком быстро. Густой лес - плохо, не как наша страна. Иногда не кушай, совсем пустой живот. Мы ищи еда - нет! Белый человек гони дальше, гони дальше. Иногда поспи мало-мало, садись под дерево - белый человек приходи, хлыстом бей. (Делает жест рукой.) Мы не ходи, не могу ходи. Мы люди, не собака!

Струд. Не люди, Мабрук, а дети. Этот хлыст спас вам жизнь. Экие вы дурни! Только отойдите немного в лес, и вы уже больше не вернетесь. По ту сторону; реки в лесу - маньема, здесь в лесу - батетела. Держитесь вместе, ребята, держитесь еще немного. Отойдете - смерть, смерть кругом, она сторожит тебя, Мабрук.

Третий носильщик. Воля аллаха, время приди - смерть приди. Я устал, я больной...

Струд. Слушай, сынок, слушайте все! Через четыре дня я выведу вас из леса в хорошую страну. Много еды, нет плохих людей. Новые носильщики в помощь вам, много носильщиков. Еще немного дальше по этой дороге, и мы спасены. Больше смелости, ребята! Доверьтесь мне! А теперь идите и спите. Идите и спите! Завтра мы пойдем быстро-быстро.

Он машет рукой, и с возгласами: "Иншаллах! Иншаллах!" - носильщики исчезают во мраке.

Махмуд, возьми свою винтовку и выполняй мои приказания.

Махмуд поднимает винтовку, и четверо суданцев возвращаются на свое место.

Локьер. Бедняги!

Струд (обернувшись к нему). Наша единственная надежда - это пробиться до Ломами. Сейчас мы в самой середине пути. Дальше будет легче. Колли. Они уже не могут идти дальше, и вам их не

заставить. Всему есть предел, и если ты дошел до него надо уметь это понять.

Струд. Для человеческой воли нет пределов, Колли.

Колли. Зато для сил человеческих есть. Вы хотите бессмысленно пожертвовать всеми нами. Пора повернуть обратно.

Струд. Ни за что! Никогда этого со мной не бывало и никогда не будет. А вы, Локьер! Вы же солдат! Еще одно маленькое усилие, и мы будем у цели. Идемте же!

Локьер. Если вы приказываете идти (пожимает плечами), я пойду.

Струд. Да, я приказываю, Колли!

Из темноты доносится голос Хэррика: "Не стреляйте! Свои!"

Локьер. Это Хэррик!

Все трое настороженно ждут. Позади, справа, показываются Хэррик и Амина, окруженные суданцами.

Струд. Схватить эту девчонку!

Хэррик (он выглядит совершенно измученным). Нет! (Берет Амину за локоть.) Пить!

Локьер подает ему флягу, которую Хэррик сперва отдает Амине. Она пьет и опускается на корточки, внимательно следя за происходящим. Попив, Хэррик

вытаскивает письмо.

Струд. Значит, оно все-таки было у нее? Вот вам ваша щепетильность, капитан! Двенадцать человек погибли зря!

Хэррик. Вы хотите, чтобы письмо было передано по назначению?

Струд (язвительно). Вы спрашиваете, хотим ли мы остаться в живых?

Хэррик. Амина, иди приведи своего брата.

Амина встает. Глаза ее готовы пронзить Струда.

Иди позови его!

Как загипнотизированная, Амина, покачиваясь, идет по прогалине и исчезает между деревьев. Все стоят и ждут. Через некоторое время раздается пронзительный, своеобразный крик. Крик повторяется. Затем из глубины леса очень слабо доносится такой же ответный крик. Справа, в темноте, вырисовываются изможденные

фигуры носильщиков. Они собираются полукругом позади белых людей и неподвижных суданцев, освещенных фонарем, горящим в палатке.

Колли. А она не выкинет какой-нибудь новой предательской штуки?

Хэррик. Нет ли у кого-нибудь коньяку?

Локьер подает ему флягу и несколько сухарей. Хэррик отпивает из фляги и

начинает грызть сухарь.

Вы знаете, что вы окружены?

Струд (Локьеру). Возьмите своих людей и посмотрите, что она там делает.

Хэррик. Не надо. Подождите!

Еще некоторое время все молча ждут. Потом из темноты, слева, показываются два человека. Амина идет первой, за ней движется внушительная фигура ее брата, араба-полукровки Самеда. Это смуглолицый, темноволосый человек с орлиными чертами лица, в легких светлых одеждах. Она подводит его к группе

белых. Здесь оба останавливаются и стоят немного поодаль от остальных.

Самед, селям!

Амина (брату). Хэррик хороший!

Хэррик подходит к Самеду и подает ему письмо. Амина вполголоса быстро

говорит что-то брату на своем языке.

Хэррик. Письмо от Сэмуэя.

Самед делает шаг вперед, кланяется Хэррику на мусульманский манер, читает письмо при свете фонаря, затем отходит и стоит с откинутой назад головой,

переводя взгляд с одного белого на другого. Амина стоит рядом.

Самед. Кто начальник?

Амина показывает на Струда и опять вполголоса торопливо говорит что-то на

языке, непонятном для остальных.

(Жестом приказывая Амине замолчать). Сэмуэй - мой брат. Ты - Струд?

Струд идет к Самеду, протягивая руку. Самед не принимает руки, но приветствует его мусульманским поклоном.

Мирные переговоры. После минутного замешательства все усаживаются на землю, скрестив ноги. Носильщики тоже садятся на корточки; только суданцы продолжают стоять, опершись на свои винтовки.

Есть бельгиец здесь? Нет?

Струд. Нет. Все англичане,

Самед (издав какой-то глубокий, гортанный звук). Бельгиец - мой враг. Бельгиец убивай много моих людей, отнимай моих рабов. Почему ты пришел моя страна?

Струд. Мы бельгийцам не друзья, Самед. Мы пришли, чтобы отобрать у бельгийцев землю - там, во многих переходах отсюда. (Показывая на юг.) Там, на юг, еще далеко.

Самед (показывая на Хэррика). Сэмуэй говори, этот человек - друг моей сестры, давно друг, так?

Хэррик (поклонившись). Да, так.

Самед (показывая на Локьера). Этот человек не бельгиец?

Локьер. Англичанин.

Самед (показывая на Колли). Этот человек?

Колли. Шотландец.

Струд. Брат англичанину.

Самед (издав неопределенный звук, который может одинаково выражать одобрение и неодобрение). Почему пришел сюда?

Струд. Я же сказал тебе. Мы пройдем через твою страну, пойдем далеко на юг, отберем у бельгийцев часть их земли.

Самед (сдержанно и насмешливо). Я родился Занзибар. Знаю белый человек: приезжай из-за моря, отбирай земля, слоновый кость, рабы, все, что араб имей. Бельгиец, англичанин, немец. И все говорят: "Служи аллаху, освобождай рабы". И кради все у араба.

Струд. Арабы сами крали у негров, Самед.

Самед. Значит, араб храни, что имей. Белый моги - отбери. Араб тоже служи аллаху!

Струд. Аллах создал людей свободными, Самед, а арабы делают их рабами.

Самед. Белый человек тоже делай раба. Разве носильщик не раб? Носильщик беги - белый бей хлыстом, стреляй.

Струд. Послушай меня, Самед. Сэмуэй - мой друг.

Самед. Сэмуэй - мой брат.

Струд. Помоги нам пройти через твою страну, и мы сделаем тебе хороший, большой подарок. Ну же! Сделай то, о чем тебя просит Сэмуэй.

Амина быстро бормочет что-то на незнакомом языке.

Самед. Мой отец - большой начальник. Я - сын начальника. (Дотронувшись до Амины.) Это дочка, дочка арабский начальник. Ты... (Движением руки изображает удар.) Почему делай так?

Струд. Она украла письмо из моей палатки. Положим, у тебя есть письмо, Самед. Важное письмо, очень важное. И женщина его украдет. Что ты будешь делать?

Самед. Араб нельзя бей хлыстом. Араб не черный человек.

Струд (не отступая). Она очень плохо сделала - украла письмо. Это письмо от твоего брата, от Сэмуэя. Он ведь спас твою жизнь, а араб никогда не забывает...

Самед (надменно). Араб - хороший человек.

Струд. Слушай, дай нам носильщиков - сорок человек. Сделай так, чтобы мы спокойно прошли через твою страну. У реки Ломами мы дадим тебе хороший подарок: винтовки, полотно. А позже - другой подарок, гораздо лучше.

Самед. Сколько винтовка? Сколько полотно?

Струд. Десять кусков полотна, когда дойдем до Ломами; десять винтовок, когда переправимся.

Самед. Ты дашь винтовки из Германия?

Струд. Дам десять хороших винтовок.

Самед. Нет! Ты сейчас дай десять английских винтовка, тогда я посмотри.

Струд. Когда будем на Ломами, Самед.

Самед. А если я не хоти помогай? Батетела - очень много, очень сильный. У батетела - ядовитый стрела, убей всех. Тогда забирай все винтовка.

Струд (энергично). Если нас убьют, большая армия отомстит за нас. Вспомни своего отца - как тогда пришли белые.

Самед (улыбаясь). Это бельгийский страна. Английский солдат сюда не ходи. Англичанин-бельгиец не очень хороший друг.

Струд. Слушай, Самед. Я тоже начальник в моей стране, большой начальник. Я умру - будет большой шум. Мое правительство заставит бельгийцев послать армию, убить тебя, отобрать твою страну.

Самед (мягко). Ты умри - никто не знай. (Делает движение рукой). Лес все прятан.

Струд. Значит, ты отказываешься?

Самед (уклончиво). Сэмуэй - мой брат.

Струд. Ну?

Самед. Ты дай мне десять винтовка сейчас.

Струд (вставая). Переговоры окончены. Я забираю вас обоих с собой на реку Ломами.

Самед и Амина вскакивают, все остальные тоже.

Пока ты в моих руках, никто не нападет.

Самед скользит взглядом вокруг. Струд поднимает револьвер.

Стой! Ни с места!

Самед (с чувством собственного достоинства). Это мирный переговор. Ты не держи слово.

Струд. Дело идет о нашей жизни. Ты вынудил меня.

Пока Струд говорит, Амина проскальзывает вперед и, нагнувшись, ударяет его снизу в запястье маленьким кинжалом. Раненый Струд роняет револьвер и пытается схватить Амину другой рукой, но она выскользывает у него из-под

руки и исчезает в темноте. Два суданца и Задиг бросаются за нею следом. Самед отскакивает назад, вытаскивая кинжал. Локьер кидается к нему. Самед наклоняется и одним молниеносным ударом кинжала перерезает Локьеру поджилки. Локьер, чтобы не упасть, хватается за шест палатки. Самед исчезает слева во мраке. Колли бросается в погоню. Раздаются два выстрела и протяжный стон, после чего все носильщики с криками кидаются в разные стороны и тоже скрываются во мраке.

Остановите их! Хэррик! Махмуд! Локьер! Остановите их!

Струд, Хэррик и суданцы бросаются в погоню за носильщиками. Локьер, все еще держащийся за шест палатки, остается один. Раздается еще несколько выстрелов. Дробь барабанов резко нарастает.

Локьер пытается выпустить шест из рук и шагнуть, но падает. Приподнявшись и сидя на земле, он ощупывает раненую ногу.

Локьер. Перерезал сухожилия! Черт! (Снова подползает к палатке, поднимает свой револьвер и, хватаясь за шест, с мучительным усилием становится на здоровую ногу. Он стоит, держась за шест, почти у самого фонаря, свет падает ему на лицо.)

К этому единственному освещенному месту возвращаются Струд и Хэррик.

Струд. Локьер!

Локьер. Я здесь!

Струд. Сбежали все, до последнего сукиного сына. Суданцы тоже. Ни одного человека не осталось. Ни одного!

Локьер. А Колли?

Хэррик. Убит. Я споткнулся о его тело.

Из чащи раздаются выкрики дикарей и дробь барабанов.

Они наступают.

Струд. В кусты! Быстро! Держитесь вместе! Пошли!

Хэррик. Надеетесь выбраться?

Струд. Да, да! Мы проскользнем. Ну, двинулись. Вы оба держитесь поближе ко мне.

Хэррик. Вы ранены, Локьер?

Локьер. Пустяки.

Струд. По компасу - прямо на запад. Держитесь поближе. Не отставайте.

Он идет вправо, за ним - Хэррик.

Локьер. Я сейчас, только погашу фонарь.

Локьер гасит фонарь и опускается у палатки слева. Мгновение на сцене царят

полная темнота и безмолвие.

Хэррик (вернувшись, вполголоса). Локьер! Локьер! Голос Струда (справа). Он впереди, я слышу его.

Хэррик нащупывает шест и заглядывает внутрь палатки.

Пошли! Пошли!

Хэррик уходит. На сцене тишина, нарушаемая лишь треском барабанов. Затем наступает полное безмолвие.

Голос Локьера (из темноты, глухо). Желаю удачи!

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ {*}

{* При убранной палатке и другом освещении для этой картины могут быть использованы декорации предыдущей. (Прим. автора.)}

Полдень следующего дня. Огромный, полусгнивший ствол упавшего дерева, опутанный похожими на змей лианами, занимает центр сцены. Привалившись к бревну, лежит Хэррик. Он без сознания. Над ним склонился Струд. Затем Струд немного отходит, садится на корточки и пристально смотрит на Хэррика. Он в нерешительности; в нем явно происходит душевная борьба. Наклонившись вперед, он прислушивается к дыханию Хэррика. Струд в таком нервном возбуждении, что первый же шорох в джунглях заставляет его отпрянуть от Хэррика и насторожиться. Но тревога оказалась ложкой. На минуту Струд успокаивается, и смертельная усталость берет верх. Усилием воли он заставляет себя снова подумать о том, какое принять решение, и снова, смотрит на Хэррика, который по-прежнему лежит без сознания. Плечи Струда конвульсивно вздрагивают; он встает. Делает два крадущихся шага, и в этот момент Хэррик шевелится. Струд замирает, медленно поворачивает голову. Хэррик открыл глаза, и взгляды их встречаются. Некоторое время оба молча смотрят друг на друга. Затем слабая

улыбка пробегает по лицу Хэррика.

Хэррик. Ничего - ступайте.

Струд. Я за водой.

Хэррик (с той же улыбкой). За водой?

Струд. Вы думаете, я хотел вас бросить?

Хэррик. Да. А почему бы нет? У меня остался один патрон. Здесь у нас души как на ладони. Струд! К чему лгать? Давайте попросимся.

Струд. Я хотел уйти. Но, черт меня дерь, если я это сделаю теперь. Мы еще выберемся. Лежите здесь. Я поищу воды и скоро вернусь. (Крадучись, скрывается между деревьями справа.)

Оставшись один, Хэррик приподнимает голову и проводит языком по пересохшим губам. Затем в полном изнеможении снова откидывается на бревно. Рука у него

лежит на револьвере.

Хэррик (бормочет). Вернется? Едва ли.

В кустах слева показывается лицо Амины. Она бесшумно подкрадывается к Хэррику и глядит на него, ожидая, когда он пошевелится. Хэррик открывает

глаза и видит ее.

Ты?

Амина. Батетела всю ночь ходи следом. Я тоже. Убил один батетела - там, кусты. (Показывает кинжал.) Иди с Амина. Самед друг моему другу. С Амина нет опасность. (Прикладывает его руку к своей груди.) Иди!

Хэррик безмолвно глядит на нее.

Надо скоро. Потом - поздно. Батетела скоро приди сюда. Найди убитый - убей Хэррик. Мой брат близка. Два, три миля.

Хэррик. Струд!..

Амина. Надо скоро.

Хэррик. Подожди его.

Амина. Нет. Он бей меня. Он не держи слово. Струд - будет мертвый. Батетела кругом, по всей лес, много! Скоро найди Хэррик.

Хэррик. Живым не возьмут. (Приподнимает револьвер.)

Амина (обнимая его колени). Нет, нет! Иди. У Самеда Хэррик - живи - нет опасность. Иди скоро! Струд оставляй тебя здесь умирать.

Хэррик. Нет. Он пошел за водой.

Амина. Струд найди вода - иди дальше. Струд дай всем умирать, он живи.

Хэррик (медленно). Нет... Я буду ждать.

Амина. Струд приди обратно - убей Амина.

Хэррик встает.

(Цепляясь, обвиваясь вокруг Хэррика, пытается тащить его в кусты). Иди, иди!

Хэррик. Отпусти меня, девочка! Я буду ждать.

Амина (внезапно отпрянув). Струд!

Из леса, справа, появляется Струд.

Хэррик (торжествующе). Вот видишь!

Амина съезживается за упавшим стволом. Струд поднимает револьвер, но Амина, пользуясь укрытием, исчезает в кустарнике.

Струд. Почему вы не удержали ее? Значит, они нас нагнали?

Хэррик. Она убила одного из их следопытов - там, в кустах.

Слышится дробь барабана.

Струд (отрубая ножом длинный кусок лианы). Нате, привяжите себя ко мне, и пошли! Она пойдет за нами. Никуда не денется.

Оба обвязывают лиану вокруг пояса. Из кустов выскакивает почти нагой дикарь и с криком снова бросается в кусты. Раздается боевой клич и бой барабанов.

В случае чего - спиной к спине! А теперь - в чащу!

Он спешит вперед, почти волоча Хэррика в глубь леса. В кустах мелькают две черные фигуры. Затем во весь рост встает великолепный дикарь. Он вскакивает на поваленный ствол дерева и натягивает лук. Раздается револьверный выстрел. Дикарь пускает стрелу и прыгает в чащу. Сцена снова пуста. Затем раздаются еще три выстрела и вслед за ними чьи-то яростные крики. Струд, не то поддерживая, не то волоча Хэррика, возвращается к

упавшему стволу. В спине Хэррика торчат две стрелы.

Хэррик (умирая). Рубите, рубите! Со мной все кончено.

Вместо ответа Струд поднимает его. Из кустов слева появляется Амина. Она бросается к Хэррику. Струд, выпустив Хэррика, который падает на землю уже мертвый, поднимает револьвер и нажимает курок. Раздается негромкий щелчок. Струд бросает пустой револьвер на землю и стоит безоружный, устремив

взгляд на Амину, которая, вся сжавшись, крадется к нему.

Струд. Иди же! Иди, если смеешь, чертово отродье!

На его лице появляется выражение экзальтированного вызова, словно он силой своего взгляда пытается сдержать дикого зверя. Амина останавливается, как загипнотизированная. В кустах раздается шум, и Струд на секунду поворачивает голову. Амина молниеносно бросается к нему и вонзает ему в сердце кинжал. С хриплым вздохом Струд падает. Амина кидается к мертвому Хэррику и принимается его гладить, жалобно причитая. Из кустов, крадучись, появляется дикарь. Он останавливается в трех шагах и глядит на Струда, по лицу которого пробегает судорога. Дикарь отскакивает, подняв копье. Но лицо Струда застывает. Он мертв. Дикарь наклоняется и разглядывает мертвого белого с каким-то суеверным благоговением. В чаще бьют барабаны. Сцена

постепенно темнеет.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ КАРТИНА ПЕРВАЯ

Июнь 1899 года. Кабинет Бастейпла в лондонском Сити. Вторая половина дня.

Бастейпл сидит у своего маленького столика.

Слева от него в кресле барон Зимбош.

Зимбош. Начиная с середины мая, мистер Бастейпл, Мильнер и дядюшка Пауль Крюгер заседали в Блумфонтейне. А теперь эта конференция окончилась.

Бастейпл. К чему они пришли?

Зимбош. Они зашли в тупик. Чем больше Крюгер просит, тем больше Мильнер отказывается. Чем больше Мильнер просит, тем больше Крюгер брыкается. Еще недели две положение для всех будет оставаться неясным. Но можете положиться на меня, мистер Бастейпл, никакого соглашения они не достигнут.

Бастейпл. Гм!

Зимбош (кивнув). И осенью - война! Когда окончательные результаты конференции выяснятся, атмосфера сразу накалится. Начнется сильный приступ военной лихорадки, помяните мое слово.

Бастейпл. Вы уверены, что ваши сведения точны?

Зимбош. Абсолютно! Только утром получил телеграмму - самая точная информация из закулисных источников. Можете спокойно делать свою ставку, мистер Бастейпл! Ведь речь идет о южноафриканских акциях! Ля-ля! Но в вашем распоряжении остаются еще две недели - пока мои сведения еще не стали общим достоянием. Ваш друг Битон назначил общее собрание своих акционеров на послезавтра, не так ли? Если он сумеет протащить свое предложение об использовании китайских кули, у вас еще есть шанс выйти сухим из воды. Я восхищаюсь Робертом Битоном - это идеалист до кончиков ногтей. *Bon dieu!* {Милостивый боже! (франц.)} Все вы тут в Англии идеалисты.

Бастейпл улыбается,

О, конечно, кроме вас, мистер Бастейпл, кроме вас.

Дверь сзади открывается и появляется Фаррел. Он притворяет за собой дверь и

хочет подойти. Бастейпл машет ему, чтобы он ушел.

Бастейпл. Одну минутку, Фаррел.

Фаррел снова исчезает.

Зимбош (вставая). Ну, надеюсь, что на этот раз мои сведения будут вам полезны. Вы помните, как Ротшильд выиграл битву при Ватерлоо? И был воздвигнут этот лев - англо-бельгийский лев! Бог мой, что за чудовище! Странно, почему ни одна страна не выбрала себе в качестве эмблемы тигра?

Бастейпл. В образе тигра не хватает возвышенности, барон.

Зимбош (поворачиваясь к двери). А как насчет наших пароходов, мистер Бастейпл? Мы рассчитываем на вас в отношении займа.

Бастейпл. Я дал вам слово, барон.

Зимбош. Слово Эдриена Бастейпла. (С поклоном.) В таком случае, мистер Бастейпл, разрешите пожелать вам всего хорошего. В вашем распоряжении еще две недели. (Направляется к двери в глубине.)

Бастейпл (встает и указывает на дверь слева). Сюда, пожалуйста. (Провожает его, затем нажимает кнопку звонка.)

Фаррел выходит из своей комнаты.

Фаррел. Мистер Битон уже здесь, сэр. Но мистер Стэнфорт и лорд Элдерли еще не прибыли.

Бастейпл. Как сегодня акции южноафриканских концессий?

Фаррел. Неважно, сэр, - они котируются по пятнадцати шиллингов.

Бастейпл. В среднем упали еще на три шестнадцатых, не так ли?

Фаррел. Да, сэр. Вы видели это, сэр, - в утренней газете? (Читает.) "Вчера из Момбасы в Лондон прибыл доктор Клемент Фрэнкс. Он недавно вернулся из Конго, где вместе с мистером Струдом, капитаном Локьером и мистером Колли принимал участие в экспедиции, о судьбе которой пока все еще ничего не известно. Доктор Фрэнкс с больными носильщиками, которые не могли двигаться дальше, был оставлен на реке Луалабе. В Лондоне доктор Фрэнкс намерен снестись с лицами, снарядившими эту таинственную экспедицию. Он отказался сообщить нашему корреспонденту какие-либо подробности".

Бастейпл. Это я уже читал.

Фаррел. Пригласить мистера Битона?

Бастейпл. Да.

Фаррел (открыв дверь в приемную). О! Остальные тоже уже явились, сэр. Пройдите, пожалуйста, господа.

Входит Битон, за ним по пятам Стэнфорти лорд Элдерли.

Битон. Читали о Фрэнксе, Бастейпл? Бог даст, он привез нам хорошие новости.

Элдерли. Он еще оттуда послал письмо своему двоюродному брату Трегею.

Битон. Что же он написал?

Стэнфорт (холодно). Вот об этом-то мы и пришли поговорить.

Элдерли. Боюсь, что придется говорить начистоту, мистер Битон. Мистер Трегей утверждает, что вся эта экспедиция была затеяна для отвода глаз. Оказывается, на послезавтрашнем собрании вы собираетесь выдвинуть проект использования труда китайских кули. Этот проект идет вразрез, да, вразрез с нашими взглядами и идеалами. Мистер Трегей высказал соображение, что вы и мистер Бастейпл пытались обвести нас вокруг пальца с помощью этой антиневольтнинеской экспедиции. Он называет ее ширмой!

Бастейпл. Мистер Трегей склонен к образным выражениям, милорд.

Элдерли. Пусть так. Но ваш план не просто "образное выражение". И мы я говорю от имени той части верующих, которых я представляю, - мы настроены решительно против него.

Стэнфорт. А я говорю от имени либералов. Мы тоже категорически против. Африка должна принадлежать белым, и мы не потерпим, чтобы туда проникли желтокожие. И ваш принудительный труд - это замаскированное рабство, и он нам тоже не нужен.

Битон. В наше время без труда желтокожих кули белые не смогут освоить Африку. Я именно этого и хочу: чтобы белые владели Африкой, а вот вам-то на это решительно наплевать. Для вас самое главное - разглагольствовать о своих... принципах, или как они там у вас называются. Ну что ж, драться так драться.

Элдерли. Я все-таки хотел бы знать, действительно ли вы затеяли тогда это все для отвода глаз?

Бастейпл. Помилуйте, милорд...

Битон. Да, действительно! И мне плевать на то, что вам это известно. Мне слишком жаль наших ребят, погибших в африканских лесах.

Элдерли. Стэнфорт, надо ли нам оставаться здесь?

Стэнфорт. Разумеется, нет.

Элдерли. В таком случае, встретимся послезавтра... при Филиппах. До свидания!

Стэнфорт и Элдерли уходят.

Битон. Прямо-таки гром с ясного неба! Мы допустили ошибку, Бастейпл. Надо было действовать через третьих лиц. А теперь мы уже выпустили kota из мешка; удивительно только, что это не произошло еще раньше. Ну, на собрании я им покажу, на что я способен. Буду рубить сплеча! Посмотрим, как они устоят. "Африка должна принадлежать белым"! Пустые слова! Да если действовать их методами, на это уйдет по меньшей мере сто лет. А я хочу увидеть осуществление своей мечты еще при жизни.

Бастейпл. Биржа уже кое-что пронюхала. Акции падают.

Битон. Не имеет особого значения. В будущем их курс обеспечен.

Бастейпл. А буры, Битон?

Битон. О, старик Крюгер все равно пойдет на уступки. Если появится доктор Фрэнкс, дайте мне знать. А сейчас я должен заняться возникшей ситуацией. Я еще сумею поправить дело. (Выходит через заднюю дверь.)

Бастейпл погружается в глубокое раздумье.

Бастейпл (про себя). Нет, он не сумеет! (Берет лист бумаги и производит какие-то подсчеты.) Черт подери, положение паршивое! (Подходит к телефону, берет трубку, но снова вешает ее. Пройдясь взад и вперед по комнате, подходит к столу, берет из ящика сигару и собирается закурить, но в этот момент дверь из приемной, открывается и входит Фаррел.)

Фаррел. Доктор Фрэнкс в приемной, сэр!

Бастейпл. Ага! Прекрасно.

Фаррел удаляется в свой кабинет. Бастейпл кладет сигару на место, подходит к

двери приемной и открывает ее.

Доктор Фрэнкс? Я Эдриен Бастейпл.

Входит Фрэнкс, сильно похудевший и загорелый. По его лицу можно догадаться, через какие испытания он прошел. Всем своим видом он представляет резкий

контраст Бастейплу.

Рад вас видеть, доктор Фрэнкс. Я уже читал в утренних газетах о вашем приезде. Какие новости вы привезли нам?

Фрэнкс (вынимая из кармана конверт). Вы получили ту длинную телеграмму, которую я послал через наших представителей в Момбасе?

Бастейпл кивает.

А вот мой подробный отчет. Но с того момента, как Струд оставил меня на Луалабе, я о судьбе экспедиции больше ничего не слышал. Им пришлось углубиться во враждебную страну - с непроходимыми лесами и свирепыми каннибалами. У них уже было мало сил, и едва ли они смогли бы отразить

серьезное нападение. Я думаю, что все они погибли.

Бастейпл. А вы сами?

Фрэнкс. Только чудом мне удалось добраться до Танганьики с шестью из двенадцати людей, оставленных со мной.

Бастейпл (на которого внешний вид Фрэнкса и его тон явно произвели впечатление). Много же вам пришлось перенести, надо думать.

Фрэнкс (угрюмо). Тропики - это тропики...

Бастейпл. И никаких следов работорговли вы не обнаружили?

Фрэнкс. Нет. Здесь я изложил все, что мне известно. (Передает ему отчет.)

Бастейпл. Все же вкратце, как было дело?

Фрэнкс. Мы выступили от озера Альберта по направлению к реке Луалабе...

Бастейпл. Одну минуту. (Подходит к столу, вынимает и разворачивает карту.) Прошу вас, указывайте места, которые вы будете называть.

Они становятся рядом за столом, и время от времени Фрэнкс водит пальцем по карте.

Фрэнкс. Отсюда и вот до этого места мы двигались с предельной быстротой, какая только возможна в этих джунглях. Мы шли форсированным маршем, избегая туземных поселений и вообще всяких встреч с людьми.

Бастейпл. Чем вы это объясняете?

Фрэнкс. Струд объяснил нам все только после того, как мы переправились через Луалабу, что, кстати, совершенно не входило в намеченные ранее планы. Оказалось, что истинной его целью была вовсе не работорговля. Вот куда он стремился (показывает на карте) - к алмазным россыпям, о которых сообщил ему один охотник на слонов по имени Сэмуэй.

Бастейпл. Алмазные россыпи?

Фрэнкс. Кроме Сэмуэя, о них знал только какой-то бельгиец. Тот двигался к россыпям от Басоко, и Струд хотел опередить его.

Бастейпл. Вопиющее нарушение инструкций, доктор!

Фрэнкс. Струд, казалось, считал, что это открытие может иметь важное значение для Британской империи. Наши жизни уже в счет не шли, лишь бы ему прийти туда первым.

Бастейпл (задумавшись). Вы говорите, он оставил вас здесь? (Указывает пальцем.) А почему вы полагаете, что он не смог пробиться?

Фрэнкс. Представьте себе кромешную ночь на самом дне ада, и вы получите некоторое представление о том, в каких он был условиях.

Бастейпл. И все же... вы сами...

Фрэнкс. Я переправился обратно на другой берег Луалабы. Лес там не менее ужасен, но в нем не так много враждебно настроенных дикарей. Если бы он не погиб, мы непременно имели бы о нем хоть какие-нибудь сведения.

Бастейпл. А что случилось с этой бельгийской экспедицией?

Фрэнкс. Она повернула обратно.

Бастейпл. Так-так-так...

Фрэнкс. Кроме Струда, никто из нас не имел ни малейшего желания пробиваться туда. (Внезапно взглянув на Бастейпла.) Разрешите задать вам один вопрос.

Бастейпл кивает.

Он имел задание навязать нам конфликт с бельгийцами?

Бастейпл. Он имел только одно задание, доктор Фрэнкс, - искать следы работорговли.

Фрэнкс. Простите... Я...

Бастейпл (сделав успокоительный жест и указав на карту). Что представляет собою территория, которую Струду предстояло пересечь?

Фрэнкс. Тропический лес, болота, враждебно настроенные туземцы. Немного дальше, если не ошибаюсь, условия становятся несколько лучше.

Бастейпл. И никаких форпостов с белыми людьми?

Фрэнкс. К югу нет.

Бастейпл (глаза его блестят). Понятно. Доктор Фрэнкс, мы перед вами в неоплатном долгу за все, что вам пришлось перенести. Как я мог бы отблагодарить вас?

Фрэнкс. Спасибо. Никак.

Бастейпл. Чем вы собираетесь заняться?

Фрэнкс. Повидать родственников капитана Локьера и мистера Колли. После этого сам не знаю.

Бастейпл. Вам что-нибудь остались должны?

Фрэнкс. Нет. Мне все выплатили в Момбасе. (Снова посмотрев на Бастейпла.) Мне хотелось бы одного: забыть обо всем... если я только смогу...

Бастейпл. Понимаю. Газетные сплетни и прочее - все это так неприятно. Чем меньше будут говорить, тем лучше.

Фрэнкс. Да. Но считайте, что с момента сдачи отчета все мои обязательства кончаются. Я ничего не обещаю.

Бастейпл. Ну, разумеется, доктор Фрэнкс. Разумеется. (Звонит.) Я сейчас же прочту ваш отчет.

Входит Фаррел.

Прошу вас, оставьте нам свой адрес. Еще раз очень, очень благодарю вас. До свидания!

Фрэнкс. До свидания.

Фаррел и Фрэнкс выходят. Оставшись один, Бастейпл крепко стискивает ладони, потирает руки. Потом некоторое время стоит неподвижно. Выражение его лица говорит о том, что он уже увидел перед собой новые возможности. Он подходит к карте и изучает ее, ведя пальцем по какому-то воображаемому маршруту. Когда он разгибается, на лице его уже новое выражение: твердое и решительное. Он звонит и, стоя у

карты, ожидает Фаррела. Входит Фаррел.

Фаррел. Что прикажете, сэр?

Бастейпл. Фаррел, доктор Фрэнкс рассказывал мне об экспедиции Струда. Следите внимательно. (Ведет пальцем по карте.)

Дело, видимо, обстоит так: оставив Фрэнкса вот здесь, Струд стал пробиваться дальше к каким-то алмазным россыпям в области Касаи, с тем, чтобы закрепить их за южноафриканскими концессиями.

Фаррел (вздвогнув от удивления). Вот как, сэр?

Бастейпл. Доктор Франке считает, что вряд ли он мог добраться до алмазных россыпей и что вся экспедиция, вероятно, погибла. Я, однако, считаю его пессимизм неоправданным.

Фаррел. Вы... вы так думаете, сэр?

Бастейпл. Я не удивлюсь, если мы буквально в ближайшее время получим сообщение, что Струд добрался до этих алмазов. Мое чутье меня редко обманывает. (Как будто про себя.) Открытие нового Де-Бирса для южноафриканских концессий! Ведь это же рука провидения, Фаррел, рука провидения!

Фаррел (у которого рот немного приоткрылся). Да, сэр!

Бастейпл. Но все это будет бесполезно, если сообщение придет позже, чем через две недели. Как только распространятся новости о неизбежной войне в Трансваале, африканские акции упадут до нуля.

Фаррел. О!.. А если Струд... Откуда мы скорее всего можем получить это сообщение, сэр?

Бастейпл (указывая точку на карте). Мне думается, что с западного побережья. Вероятно, из португальских источников. (Повернувшись к Фаррелу.) Если проект об использовании труда кули провалится, мое положение, Фаррел, может оказаться катастрофическим.

Фаррел (внимательно вглядываясь в лицо своего шефа). Я... я понимаю, сэр. Я слышал о готовящейся оппозиции. Мистер Стэнфорт говорил весьма ядовито. Но разве у вашего проекта уже не осталось никаких шансов?

Бастейпл. Нужно подождать общего собрания. Если проект примут, то успех Струда уже не будет иметь столь существенного значения. Если же он провалится - а это неминуемо, Фаррел, неминуемо! - тогда успех Струда становится жизненно важным. (Пауза. С внезапной силой.) Но Струд, как и я, не из тех, кто терпит неудачи!

Фаррел. К-конечно, сэр!

Бастейпл (ожесточаясь). Вы когда-нибудь видели, чтобы чутье изменило мне?

Фаррел. Ни в к-кчем случае, сэр.

Бастейпл. Фрэнкс пробился, почему бы не пробиться и Струду? Мы отнюдь не такие уж пессимисты, Фаррел.

Фаррел. К-конечно, нет, сэр.

Бастейпл. Сколько акций осталось записанными на мое имя?

Фаррел. Только те двадцать тысяч, сэр.

Бастейпл. Прекрасно. А что касается остальных, - то как только цены поднимутся выше фунта, продавайте все, сколько есть. (Идет к двери и скрывается в своем личном кабинете.)

Фаррел некоторое время стоит у карты и смотрит на нее большими глазами. Он

надувает щеки и медленно выпускает воздух.

Фаррел (про себя). Вот это человек!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же комната, четыре дня спустя. Фаррел говорит по телефону.

Фаррел. Нет, нет. Последние три дня его не было в городе... Да, да, я понимаю: в связи с провалом проекта - продают, а в связи с новым сообщением - покупают... Второе течение намного сильнее?... Понятно... Их курс уже дошел до... Тридцать шиллингов! И продолжает подниматься?... Так-так-так!.. Бэтсон, купите на имя мистера Бастейпла пять тысяч акций. Вы как раз успеете до закрытия... Да, да... Совершенно верно... Именно так... (Вешает трубку. Про себя.) Покупают! (Улыбается.) Вот это гениальный маневр!

Дверь в глубине открывается и входит Бастейпл в цилиндре. Фаррел вскакивает и выжидающе смотрит на него. Но лицо Бастейпла непроницаемо, как у изваяния. Он безмолвно проходит в свой кабинет. Фаррел все еще колеблется, идти ли ему

следом, но тут Бастейпл возвращается, уже без цилиндра и без перчаток.

Бастейпл. Ну, как дела, Фаррел?

Фаррел. В связи с последним сообщением сегодня в течение всего дня наблюдается непрерывный спрос на акции, в основном со стороны широкой публики. (Бросает на шефа быстрый взгляд.) Наблюдается и продажа, сэр. В весьма значительных масштабах. (Многозначительно улыбается.)

Бастейпл. В самом деле?

Фаррел. Да, сэр. Но спрос так велик, что все наши подставные владельцы распродадут свои акции еще до закрытия биржи. (Потирает руки.) Я даже жду, что...

Бастейпл. Телеграмму мою получили?

Фаррел. Да, сэр. Указанные вами пятнадцать тысяч акций я купил через трех маклеров. Теперь весь Сити уже знает, что вы покупаете. (Слегка нервничая.) Э... пишут, что это "новый Де-Бирс" и что...

Бастейпл. Да, да! Сообщение о Струде пришло как нельзя более кстати. Откуда оно поступило, Фаррел?

Фаррел (бросает на него быстрый взгляд). Из португальских источников, сэр.

Бастейпл. Так я и думал. Мистер Битон был?

Фаррел. Да, сэр. Он был на следующее утро после общего собрания. Провал проекта очень его расстроил. Он приезжал еще раз сегодня утром в связи с сообщением о том, что Струд нашел алмазы. Я сказал ему, что вы уехали в тот же день, когда он был здесь вместе с мистером Стэнфортом и лордом Элдерли.

Бастейпл. Что он сказал насчет этого сообщения?

Фаррел. У него были кое-какие сомнения, сэр, и он хотел знать, что вы об этом думаете. Я ему сказал, что как раз перед самым его приездом получили вашу телеграмму с распоряжением покупать. Это произвело на него большое впечатление. Но он сказал, что находка алмазов - пустяки по сравнению с провалом проекта. Но то, что Струд спасся, снимает с его души большую тяжесть. Он хотел знать, не от доктора ли Фрэнкса поступило это сообщение, но я сказал, что, кажется, нет. Доктор Фрэнкс был здесь, но ничего о Струде сообщить не мог.

Бастейпл. Мне обязательно надо повидать Фрэнкса еще раз. Пошлите за ним. (Удаляется в свой кабинет.)

Секунду Фаррел стоит и смотрит ему вслед, в волнении облизывая губы. Затем поворачивается к двери, намереваясь выйти, но в этот момент она

открывается, и один из клерков говорит.

Клерк. Пришли мистер Трегей и мистер Фрэнкс, сэр.

Входят Фрэнкс и Трегей.

Трегей. Мистер Фаррел, можем ли мы повидать вашего шефа?

Фаррел. Конечно, сэр. Он только что говорил мне, что хочет повидать доктора Фрэнкса. Присядьте, пожалуйста.

Трегей и Фрэнкс становятся слева. Фаррел проходит в кабинет и почти тотчас возвращается.

Соблаговолите немного подождать. Может быть, вы закурите?

Трегей и Фрэнкс отказываются от сигар, и Фаррел, окинув их взглядом,

выходит. Они стоят рядом и беседуют вполголоса.

Трегей. Ты больше никому не говорил о настоящей цели Струда?

Фрэнкс. Ни одной живой душе.

Трегей. Чем ты это можешь подтвердить?

Фрэнкс. Только своим честным словом.

Трегей. Оно не имеет юридической силы, Клемент.

Фрэнкс. Разве в лондонском Сити не верят слову честного человека?

Трегей. Всякое бывает.

Фрэнкс. Мне нужно обелить мое имя, Роджер, доказать, что я не причастен ко всему этому. В своем отчете я подчеркнул, что у Струда не было ни малейшей возможности добраться до алмазов. Что я теперь скажу родственникам бедняги Локьера, семье Колли? Что мне делать?

Трегей. Прежде всего, друг мой, не терять головы.

Дверь кабинета открывается, и входит Бастейпл.

Бастейпл. Добрый вечер, господа.

Они резко оборачиваются. Трегей смотрит на Бастейпла спокойно и слегка

насмешливо. Фрэнкс - напряженно, чуть не дрожа.

Я прочел ваш отчет, доктор Фрэнкс. Ужасная вещь - эти экваториальные леса! Я только что собирался послать за вами в связи с последними газетными сообщениями.

Фрэнкс. Я и пришел по этому поводу.

Бастейпл. Когда вы у меня были, мне показалось, что вы настроены слишком пессимистично.

Фрэнкс. Вы верите в это сообщение?

Трегей. Поразительное совпадение, мистер Бастейпл.

Бастейпл. То есть?

Трегей. В понедельник мой двоюродный брат рассказывает вам о цели, которую ставил перед собой Струд. В четверг появляется сообщение, что Струд достиг ее.

Бастейпл. Значит, вы считаете, что случайный намек, оброненный доктором Фрэнксом, вдохновил какого-нибудь журналиста?

Фрэнкс. Я не делал никаких намеков.

Бастейпл (пожав плечами). А как насчет мистера Трегея? И у стен бывают уши, доктор Фрэнкс.

Фрэнкс (вытаскивая из кармана газетную вырезку), "...действовавший от южноафриканских концессий". Я ничего подобного сказать не мог. Меня не было в Англии целых шесть лет, и я даже не знал о существовании такого концерна.

Бастейпл. Вы что-нибудь слышали о Роберте Битоне?

Фрэнкс. Да, от Струда.

Бастейпл. Вот Роберт Битон - это и есть южноафриканские концессии. Именно Битон и выбрал Струда для этой экспедиции.

Фрэнкс (несколько сбит с толку). Допустим. Но я ни в одном разговоре не упоминал имени Битона.

Бастейпл. Ну-ну! Мне все больше начинает казаться, что сообщение это не вымышленное. Нам надо попытаться установить, насколько оно достоверно.

Трегей. Вы не возражаете, если мы начнем здесь, у вас?

Бастейпл. Вы намекаете на отчет? Но, мистер Трегей, я его из рук не выпускал. (Вынимает отчет из внутреннего кармана.) А с тех пор как я виделся с доктором Фрэнксом, меня не было в городе, и приехал я всего час назад.

Трегей. И у стен бывают уши, мистер Бастейпл.

Бастейпл. Только не у этих стен, мистер Трегей. Иначе очень многие планы потерпели бы крах.

Фрэнкс (возбужденно). Но говорят, что акции бешено расхватывают. Посмотрите на этот заголовок: "Открытие нового Де-Бирса".

Бастейпл. Ну-ка, давайте поглядим, как это у них подано. (Читает.) "...Сообщают, что новые алмазные россыпи, подобные россыпям Де-Бирса, открыты исследователем Африки Джоном Струдом, действовавшим от имени южноафриканских концессий.

Прошлой осенью он выступил из района озера Альберта и проник в область Конго". Вы были в редакции этой газеты?

Фрэнкс. Да. И в других тоже. "Сообщение поступило из надежных источников" - вот их единственный ответ.

Бастейпл. Обычная погоня за сенсацией. Может быть, это в самом деле утка?

Трегей. А если так, то почему, каким образом они могли узнать подлинную цель Струда?

Бастейпл (пожимая плечами). Вот именно - каким образом?

Фрэнкс. Благодаря этому сообщению кто-то теряет, а кто-то наживает целые состояния. А я не верю в него и хочу, чтобы мое имя к нему не приплеталось.

Бастейпл. Что же вы собираетесь предпринять?

Фрэнкс. Объявить через газеты о своей непричастности к этому сообщению, предупредить читателей, чтобы они ему не верили.

Из своей комнаты выходит Фаррел с пачкой вечерних газет в руках. Он кладет

их на столик, передает Бастейплу записку и уходит.

Бастейпл (бросает взгляд на записку, и лицо его расплывается в улыбке; смяв ее, он разворачивает вечернюю газету). Посмотрим, нет ли чего-нибудь новенького? (Читает как бы про себя.) Гм!.. "Из португальского источника..." Вот как! Это доказывает вашу абсолютную непричастность, доктор Фрэнкс.

Фрэнкс (поражен). Португальского! А вдруг это в самом деле правда?

Бастейпл. Отчего же нет? Лично я считаю, что так и есть, и покупаю акции. Но вы все-таки отправьте в газеты заявление, что снимаете с себя всякую ответственность.

Трегей. И немедленно, Клемент, если ты хочешь, чтобы оно попало в утренние газеты.

Фрэнкс. Вы не разрешите мне обдумать и написать его у вас в приемной? (Указывает на дверь слева.)

Бастейпл. Конечно. Вы найдете там все необходимое.

Фрэнкс. Спасибо. (Выходит.)

Трегей. Не могу ли я взглянуть на записку, которую вы держите в левой руке?

Бастейпл (невольно сжав в кулаке бумажку). Простите, что вы сказали?

Трегей. Это грабеж среди бела дня, мистер Бастейпл.

Бастейпл (с расстановкой). Вы нездоровы, сэр?

Трегей. Кто дал деньги на экспедицию Струда? Вы! А почему? Потому что с помощью труда китайских кули вы надеялись вздуть цены на свои акции. Но ваш проект с треском провалился два дня тому назад.

Бастейпл делает нетерпеливый жест.

А вы уже основательно завязли, иначе ни за что не пожертвовали бы прошлой осенью целых десять тысяч фунтов на какие-то побасенки о работоторговле. Что же дальше? Акции падают, время не ждет; и вы и я знаем - почему именно. А тут еще старик Крюгер и назревающая война. И вот вы потихоньку пускаете словечко: "алмазы"; кто-то подхватывает его и...

Бастейпл снова делает движение.

В самом деле, отчего же нет? На этом вы только выигрываете вместо того, чтобы терять, зато кто-то другой теряет вместо того чтобы выиграть. И вы на этом выиграли... Покажите-ка мне эту записку.

Бастейпл. Это просто забавно!

Трегей. Значит, я могу взглянуть?..

Бастейпл. Можете катиться ко всем чертям! (Берет сигару и прикуривает от горящего светильника.)

Трегей (глядя на него в упор). "Всяк за себя, а кто отстал - пусть пропадает" - прекрасный девиз, мистер Бастейпл!

Бастейпл. Какая наглость! Как вы смеете...

Трегей. Без меня мой кузен заблудился бы в вашем Сити и тоже пропал бы, бедняга.

Бастейпл. Вы ведете себя возмутительно, сэр.

Трегей. Я слишком часто видел работу вам подобных. Видел, как вы выслеживаете добычу - как кошка подстерегает мышь. Я знаю все ваши хищные ухватки!

Бастейпл. Романтическая чепуха!

Фрэнкс, незадолго перед тем вернувшийся в комнату, стоит и слушает в изумлении.

Трегей. Клемент, мы тут объясняемся начистоту. Это газетное сообщение утка.

Бастейпл. Теперь у меня есть свидетель, сэр.

Трегей (взглянув на часы). Биржа уже закрылась. Если хочешь знать, сколько он нажил на этом деле, попроси его показать тебе записку, которая у него в левой руке. Давай-ка отберем ее! (Делает шаг вперед.)

Бастейпл (поднося руку к пламени светильника) Вас двое против одного, господа, и вы оба моложе меня.

Трегей останавливается.

Фрэнкс. Ты говоришь, что он сам состряпал это сообщение?

Трегей. Сам или чужими руками.

Фрэнкс. И все это ради денег! (С внезапной страстностью). Бот мой! Взять бы вас всех, засевших здесь, в Сити, да перенести в экваториальный лес, чтобы покрытые болячками, со впавшим животом и торчащими ребрами вы плелись где-нибудь в хвосте каравана. Это отучило бы вас играть чужими жизнями!

Бастейпл (ледяным тоном). Доктор Фрэнкс, мне уже из вашего отчета было ясно, что сердце у вас крепче головы. Уведите-ка отсюда своего романтически настроенного друга и где-нибудь в тихом уголке спросите, чем он может доказать истинность этих фантастических обвинений. И вы услышите его ответ: "Ничем". Понятно? У него нет доказательств. Никаких! Попросите его добыть какие-нибудь доказательства, если он на это способен. А говорить на ветер это неподходящее занятие для серьезных людей. Уходите!

Трегей. Не торопитесь! Клемент, ты побывал в редакциях. Я тоже. Ты ничего не узнал - у тебя нет связей. А у меня есть, и вот что я узнал. (Вынимает из кармана листок бумаги и читает.) "Джон Струд, английский исследователь, действующий от имени южноафриканских концессий, открыл в марте новые алмазные поля в области Касаи, Конго". Подписано: "Центральное газетное агентство, Лисабон".

Фрэнкс. Но это звучит...

Бастейпл внимательно слушает.

Трегей. ...Слишком гладко. Я получил эту копию вчера в пять часов вечера. Я тут же послал телеграмму одному приятелю в Лисабон. Ответ мне принесли как раз перед твоим приходом. (Читает.) "Газетное агентство Лисабона не посылало подобного

сообщения, отправителя установить не удалось". (Показывает телеграмму Фрэнксу.) Что вы на это скажете, мистер Бастейпл?

Бастейпл звонит.

Трегей. Cherchez l'homme!.. {Ищи мужчину!.. (франц.).} Иначе: кто нажился на этом сообщении?

Бастейпл. Вот именно!.. Наведите справки на бирже. Вам скажут, что после появления этого сообщения в газетах я купил пятнадцать тысяч акций и не продал ни одной. Если я не стану возбуждать судебного преследования против вас обоих, то только потому, что доктор Фрэнкс и без того много перенес.

В дверях появляется Фаррел.

Фаррел, проводите этих господ!

Трегей. Пойдите!

Фаррел прикрывает дверь, а Бастейпл, направившийся в свой личный кабинет, останавливается.

Мистер Фаррел, вы знали о том, куда на самом деле направляется Струд?

Фаррел (после минутного колебания). Н-нет, сэр. Если, конечно, вы говорите не о... (Показывает пальцем вниз.)

Трегей. Мне сейчас не до пошлых шуток. Мистер Бастейпл вам все рассказал после ухода доктора Фрэнкса в прошлый понедельник.

Фаррел (глядя на Бастейпла). Разве, сэр? Мне кажется, что..

Бастейпл. Вы сами должны помнить, говорил ли я вам что-нибудь или нет.

Фаррел (решительно). Конечно, сэр. Но вы мне ничего не говорили.

Трегей. Будьте осторожны, мистер Фаррел.

Фаррел. Я вообще человек осторожный, сэр.

Трегей. Готовы ли вы под присягой подтвердить, что он ничего вам не говорил?

Фаррел. Мы не на суде, сэр.

Трегей. Да, но вы легко можете оказаться там.

Бастейпл. Так же, как и вы, сэр.

Трегей (обращаясь к Фаррелу). Я утверждаю, что вы знали о намерении Струда искать алмазы в Касаи. Далее: в среду вечером, после того как общее собрание провалило проект ввоза китайских

кули в Южную Африку, вы послали в Лисабон зашифрованную телеграмму, в которой дали инструкцию своему агенту послать в Лондон вот это самое сообщение о Струде. Оно вам знакомо? (Подносит к глазам Фаррела текст сообщения.)

Пока Фаррел читает, все трое внимательно следят за ним. Фаррел кончает

читать и поднимает глаза.

Фаррел. Ничего подобного я не делал.

Трегей. Простите меня, если я слишком низко оценил всю тонкость ваших методов, но, так или иначе, вы являетесь инициатором этого сообщения. Взгляните-ка на это: "Газетное агентство Лисабона не посылало подобного сообщения, отправителя установить не удалось". (Показывает Фаррелу телеграмму.) Можете подать на меня в суд за клевету, если сообщение состряпано не вами.

Фаррел. Вы просто бредите, сэр!

Трегей (похлопывая по карману). А записка, которую вы только что принесли? Там обозначена крупленькая сумма, не правда ли? (Засовывает руку в карман и, вытащив ее, делает вид, что разглядывает спрятанную в руке бумажку.)

Фаррел (после некоторого колебания). Да-да, сэр, какая именно сумма?

Бастейпл. Ваш блеф не удался! Хватит! Есть предел и моему терпению. (Открывает дверь в свой кабинет.) Фаррел!

Выходит, за ним Фаррел.

Трегей. Тигр удаляется в свое логово. Но он прав, Клемент. На этот раз нам не удастся разоблачить его. Его когти не оставляют следов.

Фрэнкс (как бы про себя). "Дурной это мир, хозяин, и вы совсем заблудились в нем". И все это ради денег!..

Трегей. ...Добытых клыками и когтями, мой друг, по закону леса! (Берет Фрэнкса под руку.) Пошли!

Дверь внутреннего кабинета открывается, и на пороге останавливается Фаррел.

(Глядя на него в упор.) Как насчет судебного иска, мистер Фаррел? Ведь у вас есть два свидетеля.

Фаррел. У меня есть еще жена и дети. Излишняя роскошь мне недоступна.

Трегей. Он мог бы больше платить вам за грязную работу, которую вы для него выполняете.

Фаррел (горячо). Можете сколько угодно упражняться в остроумии на мой счет, но его - не трогайте!

Трегей. Черт побери, в вас что-то есть, мистер Фаррел! Скажите, неужели его никогда не мучит совесть?

Фаррел. Не больше, чем вас, сэр.

Трегей (пожав плечами). Пошли, Клемент.

Они уходят, провожаемые взглядом Фаррела. Когда дверь за ними закрывается, из своего кабинета выходит Бастейпл, по-прежнему с сигарой в зубах. Он

усаживается у столика и открывает один из ящиков.

Фаррел (тревожно). Мистер Трегей только что...

Бастейпл (остановив его движением руки, вынимает из ящика чековую книжку и пишет). Это вам. На мой банк в Буэнос-Айресе. Десять процентов от... (разжимая ладонь левой руки, чтобы свериться с цифрой, написанной в записке) двухсот пяти тысяч фунтов стерлингов. (Подписывает чек и вручает Фаррелу.)

Фаррел (раскрыв рот от изумления). Что вы, сэр!

Бастейпл (легким движением руки пресекая его попытку заговорить). Увеличьте мои пожертвования благотворительным организациям на текущий год. Удвойте их.

Фаррел (чуть ли не шепотом). Слушаюсь, сэр, с... удовольствием, сэр. И в самом деле, ведь Струд мог бы... разве нет, сэр?

Бастейпл поворачивается к нему лицом, и губы его медленно растягиваются в улыбке. Эта сардоническая гримаса производит столь сильное впечатление на Фаррела, что он, не выдержав, уходит. Бастейпл подносит записку к пламени светильника и следит за тем, как она горит. Потом, откинувшись поудобнее в кресле, вынимает сигару изо рта и выпускает огромный клуб дыма. Улыбка еще не полностью сошла с его лица, и он потягивается со вздохом удовлетворения, безотчетно сжимая и разжимая пальцы, словно кошка, когда она выпускает

когти.

Конец

1924 г.